

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

В СВЯЗИ С ОСОБЫМИ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ

Пограничник

Александр Конторович

**В связи с особыми
обстоятельствами**

«Автор»

2015

Конторович А. С.

В связи с особыми обстоятельствами / А. С. Конторович —
«Автор», 2015 — (Пограничник)

Новый военно-фантастический боевик из знаменитого «Черного цикла». Продолжение бестселлера «Пограничник. Пока светит солнце». Наш человек в 1941 году. Капитан Погранвойск НКВД становится сотрудником секретного Управления «В», предназначенного для корректировки истории, и принимает бой против гитлеровцев и бандеровцев. Хватит ли боевой и диверсионной подготовки капитану-пограничнику, который уже прошел через гражданскую войну в Испании, Финскую кампанию и страшное начало Великой Отечественной? Сможет ли он выполнить особое задание командования или его отправили на верную смерть? Как ему вырваться живым из Киевского «котла», где погиб целый фронт? Удастся ли пограничнику заманить в засаду немецкую ягдкоманду? Нужно действовать... «в связи с особыми обстоятельствами»! Ранее книга выходила под названием «Пограничник. Рейд смертника».

© Конторович А. С., 2015

© Автор, 2015

Александр Конторович

В связи с особыми обстоятельствами

И.о. командира 396 стрелкового полка
135 стрелковой дивизии
Майору Горбуненко В.А.

РАПОРТ

Докладываю вам, что сегодня 03.08.1941 г. в 03.46 утра, форсировав реку Ирша, на занимаемые полком позиции, из тыла немецко-фашистских войск вышла группа бойцов и командиров РККА в количестве 112 (ста двенадцати) человек.

При этом ими было уничтожено передовое охранение противника в количестве шести солдат и ефрейтора, и захвачен один станковый пулемет. Двоих пленных немецких солдат бойцы переправили на нашу сторону.

Вышедшими из тыла бойцами командовал старший лейтенант Ерихов П.В. – командир батареи 12 зенитно-артиллерийского дивизиона ПВО.

Всего в составе группы старшего лейтенанта Ерихова насчитывается:

Пять командиров РККА в званиях от лейтенанта до старшего лейтенанта;

Сто три бойца различных родов войск;

Четверо военнослужащих медсанчасти НКВД, вышедших вместе с бойцами группы из вражеского тыла.

На вооружении группы имеются:

Три станковых и шесть ручных пулеметов разных систем, в том числе – один станковый и три ручных – трофейные.

Одиннадцать пистолетов-пулеметов (семь трофейных).

Девяносто шесть винтовок и карабинов (восемнадцать трофейных немецких карабинов «Маузер»).

Имеются боеприпасы к стрелковому оружию и некоторое количество ручных гранат.

Четырнадцать бойцов и один командир – лейтенант Еремин А.С. имеют ранения и направлены в медсанбат.

О выходе группы старшего лейтенанта Ерихова мною было направлено донесение в Особый отдел, однако, до настоящего времени, никто из его представителей так и не прибыл.

*Начальник штаба 396 стрелкового полка
капитан Сидельцев А.Р.*

Однако особист все-таки появился – им оказался невысокий седоватый (несмотря на относительно молодой возраст) политрук. Осмотревшись на месте, он сходу взялся за командира вышедших бойцов.

Пригласив его в землянку и выпроводив оттуда её обитателей, он уселся за стол и вытащил из своего планшета лист бумаги.

– Присаживайтесь, товарищ старший лейтенант. Моя фамилия – Грызлов, и я представляю здесь органы госбезопасности. Как вы понимаете, у меня к вам имеются вопросы, на которые хотелось бы получить конкретные и исчерпывающие ответы.

Ерихов пожал плечами, подтащил поближе к столу обрубок бревна, который здесь исполнял роль табурета и уселся на него.

– Для начала, попрошу предъявить ваши документы! – произнес особист.

– Пожалуйста, – зенитчик вытащил удостоверение личности, а из планшета достал и положил на стол какие-то бумаги. – Это приказ о занятии обороны моей батареей.

Внимательно просмотрев все, политрук кивнул.

– Итак, как явствует из предъявленных вами документов, вы и ваша батарея занимали позиции, согласно приказа начальника ПВО.

– Совершенно верно, занимали и отражали все попытки авиации противника нанести удар по станции. Нами был подбит один вражеский самолет и один сбит. Об этом имеются пометки в предоставленных мною документах. Также там имеется удостоверение личности погибшего фашистского летчика. В боевом журнале сделаны соответствующие записи.

– Кем сделаны записи?

– Записи сделаны мною собственноручно.

– Эти записи? – перевернул страницу боевого журнала особист.

– Да, эти.

– Как следует из журнала, вы также вели бой с танками и пехотой немцев. Чем это было вызвано? Немцы ворвались на станцию?

– Да. То есть, нет – они не сразу ворвались! Батарея была передислоцирована по указанию заместителя начальника Особого отдела штаба армии старшего политрука Ждановича. Он предъявил мне свои полномочия и отдал соответствующий приказ.

– Письменный приказ?

– Вот он. Даже печать есть – всё, как положено! – ткнул рукой в документ зенитчик.

– А кто дал вам приказ на отступление? Старший политрук?

– Нет. Он уже погиб к этому времени. Обороной станции командовал капитан Ракутин – его Жданович назначил. Нам было приказано прикрывать отход эшелона с техникой и беженцами.

– Удалось?

– Да. Ушел этот эшелон и ещё один – тот, что ближе к вечеру прибыл. Многих не вывезли – места не хватило. Но раненых погрузили почти всех. И всю технику.

– Какую технику?

– У группы старшего политрука были какие-то особенные немецкие танки – их и вывезли.

– Танки? – вопросительно приподнял бровь политрук.

– Ну, я сам только один видел... но говорили, что их несколько... Первым эшелоном и вывезли. А потом, когда уже стемнело, и немцы отошли, капитан...

– Кто?

– Так Ракутин же! Он и приказал отступить, мол, задачу мы выполнили, надо выходить к своим.

– А сам он куда делся?

– Позавчера у нас бой был... на колонну немецкую нарвались, а там танки! Вот его и отрезало... да так и не встретились мы больше...

Как фигово, когда болит голова... просто невыносимо! Гул какой-то в башке... Не встать толком и не повернуться.

А надо.

Надо, пусть и не встать, но уж от этого места по-всякому уползти. Ничем хорошим это не кончится.

И так уже остается только удивляться тому, что какой-нибудь любопытный фриц не поинтересовался ещё содержимым карманов и полевой сумки. Но очень может быть, что таковой фриц вскорости тут образуется. Прибудут сюда трофейщики какие-нибудь – и все...

Надо ползти, коли идти пока невозможно.

И Ракутин полз... обдирая колени и локти, переваливаясь через какие-то бугорки...

Вперед!

Всё равно куда, лишь бы отсюда подальше.

Чертов танк!

Угораздило же его вывернуться откуда-то в самый неподходящий момент! А так всё нормально складывалось!

И ведь до линии фронта почти уже дошли, пушки уже вовсю бахали, даже и ружейные выстрелы где-то раздавались... Рядом всё! Один рывок!

И вот в этот-то момент и появились немцы...

Приземистый грубообразный броневик вывернулся откуда-то сбоку, и притормозил. По-видимому, его водитель совершенно не ожидал увидеть тут красноармейцев. Дорога-то была совсем ненаезженная, глухая, можно сказать. И не самая удобная для передвижения. Оттого её и выбрали для отхода, по лесу грузовики не проехали бы. А как ещё раненных нести? Слишком уж их много...

Так и шли, пробираясь узкими стежками-дорожками, хоронясь в лесной тиши (там, где она имелаась). А имелось её тут не так уж и много. Больше приходилось прятаться по всяким балочкам, изображая из себя разбитую автоколонну. Завидев самолет (а мог он тут быть только немецким), поджигали банки, набитые ветошью, щедро политой маслом и бензином. Бойцы падали на землю, изображая убитых и раненых.

Примитивно, конечно... но пока сходило с рук. Надо думать, у пилотов имелись задачи и поважнее.

Четыре грузовика, которые удалось взять со станции, были заполнены ранеными. К одному прицепили даже уцелевшую в последнем бою зенитку.

Две сотни бойцов – те, кто мог идти самостоятельно.

Зато с оружием проблем не было.

И так его имелось в достатке, да ещё потроша попадавшие по пути остатки автоколонн, осматривая места недавних боев, набрали всего вдоволь. Хуже было с едой – её-то как раз и не хватало. Воды – хоть залейся, а вот пожрать...

Плохо ещё и то, что передвигаться приходилось урывками. Можно сказать – от куста к кусту. Сначала вперед уходила разведка, осматривая дорогу. Потом – рывок! И снова сидим...

Днем идти почти не удавалось, слишком уж велик был риск налететь на фрицев. А там – только свяжись! Мигом со всех сторон налетят – у них это хорошо организовано.

Шли вечером, когда реже летали самолеты, да и активность немцев слегка затихала (во всяком случае, хотелось на это надеяться...).

День, второй... пока все получалось неплохо. Правда, некоторую часть раненых пришлось-таки оставить у местных жителей – тряски в кузовах машин они не выдерживали. Остался и один из фельдшеров – надо же было кому-то смотреть за бойцами?

Зато на следующий день подобрали в небольшой роще сразу нескольких медиков – из числа войск НКВД. Те отсиживались в кустах после стычки с немецким патрулем. Отстреливаться медсестрам было не из чего, на всех имелся всего один наган с тремя патронами. Так что шансов выйти целыми из любого столкновения имелось ноль целых, фиг десятых.

Спасенные девушки, едва освоившись, тотчас же хлопотали около раненых, чем сняли изрядную головную боль у последнего оставшегося в отряде фельдшера. Совершенно гражданский человек, работавший ранее в пристанционном медпункте, Трофим Иванович Граченко, был совершенно ошарашен свалившимися на его голову заботами и хлопотами. Ракутин своей властью мобилизовал его на станции, когда сколачивал отряд для прорыва к своим. Единственный оставшийся в живых после боя, военфельдшер Ластовенко только руками разводил, растерянно оглядывая почти шесть десятков раненых бойцов. Он один мало что мог сделать. Не сильно спасали положение и четверо бойцов, которых капитан отправил ему в помощь. Выби-

рать не приходилось и Алексей приказал бойцам перерыть всю станцию и отыскать хозяина пристанционного медпункта. Через полчаса того доставили на перрон, где капитан заканчивал формировать колонну.

– Что случилось, товарищ командир? – слегка обалдевший пожилой дядька, увидев хоть какое-то начальство, обрадовано рванулся к Ракутину.

– Вы кто?

– Фельдшер я... Граченко...

– Медпункт, – кивнул в сторону пристанционных построек Алексей, – ваш?

– Мой. Уж второй год как работаем.

– Вот и хорошо! Бойцы помогут вам взять все необходимое. Полчаса хватит?

– На что... Как полчаса?! Для чего?

– Вы мобилизованы в ряды Красной армии. Как специалист военного профиля. Понятно?

– Но... я ведь невоеннообязанный... у меня ноги...

– Сейчас война, ограничения мирного времени признаны несостоятельными, – напирал Алексей. – Вам что, мои полномочия предъявить?

Что там были за полномочия Граченко не знал, но внешний вид командира (частично обгоревшее обмундирование, плохо замытая кровь на обшлаге рукава, ободранное лицо и хрипловатый голос) к вдумчивому неторопливому общению не располагал. Да и творившаяся на станции кутерьма тоже никакого повода к веселью не предоставляла. Обстановка совершенно не обнадеживала, да и только что закончившийся бой (который фельдшер пересидел в погребе) тоже приятных впечатлений не оставил. И искушать судьбу лишний раз Граченко не стал.

– Как скажете, товарищ командир... Ну, хоть вещи-то свои я собрать могу?

– Ещё полчаса! Бойцы вам помогут! Вопросы есть?

Таковых не оказалось.

И теперь фельдшер был несказанно рад неожиданной помощи – сам он буквально с ног валился! А появившиеся медсестры были все-таки гораздо предпочтительнее неопытных в этом деле красноармейцев.

Только-только всё стало налаживаться...

Нельзя сказать, что появление бронетранспортера явилось такой уж совершенной неожиданностью и для бойцов Ракутина. Все-таки, какой-никакой, пусть и не очень пока большой, а опыт столкновения с немцами у них уже имелся. Разумеется, никакой моментальной реакции на встречу с противником не произошло. Но хоть врассыпную пока никто не бросился – уже хорошо!

А вот первым открыл огонь все же стрелок бронетранспортера...

И удачно выстрелил, надо сказать!

Пулеметная очередь прошила ближайший грузовик. Патроны в ленте у фрица были не только обычными, зажигательные и трассирующие пули там тоже присутствовали. Грузовик вспыхнул – сразу весь. Видимо, одна из пуль пробила бензобак и зажгла вытекающее топливо.

Этим все успехи немца и ограничились – мелькнув над покатым бортом, внутрь бронетранспортера влетело сразу несколько гранат. Опомнившиеся бойцы одной не ограничились, просто не успели сообразить – бросали все сразу.

Ударившими взрывами машину качнуло на месте. Смолк пулемет, и над бронетранспортером поднялся легкий дымок.

Но рыча двигателем и разбрасывая в стороны ошметки травы, вырвался откуда-то сзади танк.

Легкий.

С малокалиберной скорострельной пушкой.

Которая, тотчас же не преминула внести в ход боя и свой вклад – накренился на бок второй грузовик. Следующую очередь стрелок положил прямо по разбегавшимся бойцам – и тоже удачно, сразу несколько человек замерло на месте, бессильно обмякнув на выжженной солнцем траве.

А уже выползал на пригорок второй танк. Слышались где-то позади отрывистые команды, надо полагать, там и пехота подтянулась...

– Танки жечь! – капитан властно взмахнул рукой. – Пулеметчикам – позиции занять! Пехоту немецкую держать, скоро уже тут будут!

Легко сказать – жечь!

Да только вот сделать это... не так уж, чтобы и просто.

Первых бойцов, которые рванулись навстречу немцам, опрокинули пулеметные очереди – танкисты оказались далеко не новичками и хорошо понимали, какую опасность могут представлять близко подобравшиеся пехотинцы. И не собирались им таковой возможности предоставлять.

Оба танка развернулись чуть вбок, двинувшись вдоль линии боестолкновения. Стрелять по красноармейцам они вполне могли и так, а вот расстояние между собой и бойцами Ракутина они старались выдержать как можно более дальним. Безопаснее как-то не подпускать красноармейцев к себе вплотную... хватит ведь у них ума разбить бутылку с бензином об раскалившиеся жалюзи моторного отсека...

В этом был выигрыш немцев.

Который, впрочем, так же быстро сменился и разочарованием.

Ибо повернув вбок, танки подставили свои борта единственному серьезному оружию отряда – скорострельной зенитке. На всеобщее счастье, пушку тащили во главе колонны, и танкисты её попросту не успели заметить.

Зенитчики Ерихова (со всей батареи уцелело тринадцать человек) в очередной раз доказали своё высокое умение. Стоило только прозвучать первым выстрелам, как они тотчас же бросились к орудию.

Броня легкого танка и в лоб-то не является непреодолимой преградой для тридцатисемимиллиметрового снаряда, а уж в борт...

Так что наводчик первого танка недолго радовался своим точным выстрелам – здесь отыскились не менее умелые стрелки.

Получив в борт сразу два снаряда, первый танк запнулся на месте, а из распахнутых люков вырвались вверх языки огня.

Второй танк, уходя от внезапно появившейся угрозы, резко повернул вбок, ставя между собою и зенитчиками уцелевший пока грузовик. Но удачно пущенный снаряд сорвал ему гусеницу, и бронированная машина замерла на месте, накренившись набок.

Тут бы его и добить!

Увы...

С грохотом вырвались со стороны немцев новые бронированные чудовища – не до подранка...

Сделав ещё несколько выстрелов, орудие умолкло – кончились снаряды. Удалось отбросить назад рванувшуюся вперед пехоту, заставить попятиться один танк... и всё.

Горели грузовики – на этот раз по-настоящему, а не бутафорские банки и ведра с промасленной ветошью. Хотя, разумеется, и они тоже чего-то там добавили... Подожгли ли их немцы, или кто-то из отступающих бойцов запалил – теперь уже не так и важно. Важно то, что они оттягивали внимание противника на себя. Откуда-то оттуда стреляла и пушка – трас-

серы от снарядов явственно обозначили её местоположение. Но горящие машины скрывали её теперь от глаз танкистов.

Тащили на руках раненых бойцы, отступая в глубину проходящего рядом оврага. От быстрого разгрома спасало пока ещё опасение немцев заработать артиллерийский снаряд прямо в лоб.

Черный дым от горящих машин застилал низину, укрывая от их глаз все происходящее. Молчание орудия вполне могло быть вызвано и тем, что артиллеристы попросту не видели целей. Дым – он не только немцам на руку. Да и к вечеру близко, солнца уже нет, видимость и без того – далеко не самая хорошая.

– Петряев! – капитан повернулся к лежавшему рядом лейтенанту. – Со своим взводом – в прикрытие! Пулеметы вас поддержат. Главное – остановить танки. Хотя на несколько минут, пока основные силы не уйдут в овраг – туда техника не пройдет. Пехота без танков тоже особой прыти не проявляет, сам, поди, видел уже. Хотя на десяток минут их задержи – и можешь отходить! Ночь уже скоро – не пойдут они по следам. Немец ночью не воет!

– Ясно, товарищ капитан! Сделаем!

Разобрав гранаты и бутылки с бензином, красноармейцы попрятались за многочисленными бугорками. Кто-то забрался в кювет, решив укрыться там.

Подхватив с земли автомат, Ракутин сделал несколько шагов, направляясь к автомашинам. Надо было проверить, успели ли вынести из них всех раненых?

Лязг гусениц!

Алексей отпрыгнул в сторону, поднимая автомат.

Как смог подобраться сюда танк? Ведь не видно же почти ничего – даже если и не сквозь смотровую щель смотреть. Дым вокруг, да и ветра нет... все скапливается в низинке, застилая её почти непроглядным облаком.

Но, так или иначе – а танк шел вперед.

И до грузовиков ему осталось всего немного – метров пятьдесят.

Но вот и разгадка – около башни танка уселся немец и что-то кричит в открытый сбоку люк. Вот они – глаза танка, этот фриц подсказывает танкистам дорогу! А следом ведь и другие пройти смогут – по следам головной машины.

И устроить на полянке кровавую кашу, намотав на гусеницы отступающих бойцов. Ракутин был реалистом и понимал, что застигнутая врасплох колонна не сможет оказать танкам должного сопротивления. Снарядов больше нет, окопов тоже...

Дернулся в руках автомат – танкового суфлера снесло с брони.

И почти тотчас же танк крутанулся на месте, разворачивая башню в сторону капитана – слышали-таки фрицы!

«В сторону! Стрельнёт же...»

Удар!

Грохот, косо летящее куда-то вбок небо...

И вот теперь, главная задача – уползти отсюда... как можно дальше уползти! Нельзя двигаться туда, куда отступили бойцы – в том направлении могут пойти немцы. Или не могут – в том смысле, что не до отступивших красноармейцев им сейчас. Не сунулись же фрицы в овраг?

Или сунулись, а пока я тут без сознания валялся, всё и закончилось?

Алексея аж холодный пот пробил!

Да нет... на ночь-то глядя, в темный овраг лезть? Не все ж там такие уморехнутые?

А черт их знает... и такие там тоже могут быть...

Но, тем не менее, капитан, стиснув зубы, продолжал свое передвижение. На ноги не встать – тело, как чужое, совсем не слушается.

Вот ещё десяток метров позади...

Совсем уже стемнело, когда он вполз под раскидистый куст. Тут уже не так опасно, издали, по крайней мере, не разглядят. Можно и передохнуть.

Ощупав свое тело, Ракутин убедился в отсутствии ранений. Крови, вроде бы, нигде и никакой нет... форма местами порвана, так это и понятно. Уцелела и полевая сумка, на ремне осталась кобура с «Браунингом». Автомат... он где-то там – у сгоревших автомашин. Нет и вещмешка – тоже в машине остался. А стало быть – нет и скудных запасов. Там, правда, и было-то... пара сухарей, да полбаночки трофейного мармелада – утром не доел, торопился. Хм, зря, значит, спешил.

Лучше бы поел...

Ну, кто спит – тот ест! Так, кажется, дед Миша говаривал?

Вот и пос...поедим...

– Генрих! Ты куда полез?!

– Да тут следы есть... полз кто-то...

– И черт с ним! Раз полз, значит, не может идти. А раз так – и воевать не способен. Пускай себе ползёт... подохнет где-нибудь в траве!

– Что же – так его и бросим?

– А зачем нам сдался этот русский? Ну, предположим, ты его найдешь. И что? Потацишь в госпиталь? Чтобы его там лечили? Не смей меня...

– И то верно... Ладно, пойдём к остальным, там, похоже, тоже дело к концу идет...

Когда голоса солдат затихли где-то вдаль, Алексей впервые вздохнул полной грудью.

Пронесло...

Убирая в кобуру пистолет, он мысленно, еще раз сам себя похвалил. Кусты эти... И ведь хватило же сил проползти вчера назад – параллельно своим следам. Так, что оба трофейщика, шедшие практически по ним, оказались совсем рядышком – хоть камнем кидай. И их разговор и разбудил Ракутина, позволив тому подготовиться к возможной схватке.

Но – пронесло...

«И это хорошо – стало быть, не закончились мои деньки!» – мысленно порадовался он.

Осторожно пошевелился – нет, тело всё ещё плохо слушалось, хотя какой-то прогресс всё же имелся. Стало меньше гудеть в голове.

Ну и на том спасибо!

Однако же быстро сюда фашистские трофейщики заявили!

И что из этого следует?

А то, что раз они прибыли сюда быстро, то и добирались откуда-то не из совсем дальнего уголка.

И откуда могут ехать трофейщики утром?

Из ППД (пункта постоянной дислокации) – или как там это у немцев зовётся? Короче – из своего расположения, оттуда, где спали.

А где у нас (да и у немцев, надо думать) трофейщики живут?

Там, где есть возможность эти самые трофеи получить. То есть – либо на передовой (или рядом с ней), либо где-то, где таковые вещи могут впоследствии.

А это – если и не фронт, то уж зона ведения боевых действий, однозначно!

Немного, значит, мы не дошли...

Чуть вдалеке зафырчал мотор. Немецкая автоколонна готовилась к отъезду. Со своей позиции Алексей не мог всего разглядеть, да и зрение ещё не совсем восстановилось после контузии – перед глазами всё так и двоилось. Что уж там фрицы делали, все ли они забрали –

теперь и не разглядеть. Но другого выхода нет, отсюда ещё не скоро удастся уйти, стало быть – будем ждать.

Звук моторов стал выше, пару раз изменил свою тональность – и стал стихать. Уехали...

С полчаса Ракутин пролежал неподвижно, не выдавая себя никаким неосторожным шевелением, потом медленно подполз к краю кустарника и высунул голову.

Насколько он мог разглядеть, на поляне никого больше не было. В смысле – никого живого. Мертвых тел... их хватало. Хоронить немцы никого не стали, только вывернули у погибших бойцов карманы и собрали все оружие. Убитых солдат противника видно не было, но это, надо думать, постарались ещё вчерашние фрицы. Уволокли и один из танков – тот, которому сорвало гусеницу. Второй обгорелой головешкой угрюмо возвышался на гребне холма. Люки распахнуты, и никакого дыма над башней не видно. То ли потушили, то ли всё уже выгорело...

Задача, стоявшая перед капитаном, была совершенно ясна. Ходить он пока не мог, стало быть, нужно какое-то время отлежаться. Как долго? А кто ж его знает... Хотя, то, что голова перестала болеть, кое-какие надежды всё-таки внушало. Сегодня – голова, завтра, глядишь, и ноги...

Необходимо было обшарить подбитые автомашины – какие-то вещи там должны были уцелеть. Пополнить запас продовольствия (вообще хоть чего-нибудь отыскать, откровенно говоря), боеприпасов и вооружения.

Кстати, о боеприпасах...

Алексей проверил свои карманы.

Браунинг с четырнадцатью патронами (один – в стволе, по старой привычке). Запасной магазин – это ещё тринадцать. Картонная коробочка в полевой сумке – итого сорок три выстрела в запасе.

Сорок два – одну пулю он решил твердо оставить для себя.

Далее...

Острый финский нож в кожаных ножнах – память о «зимней войне». Он уже и тут послужить успел...

Спички – начатый коробок.

Два бинта... откуда два? Один – точно помню, где брал, а второй откуда? Хрен с ними... лишними не станут.

Иголка... нитки... носовой платок.

И всякая подобная мелочь.

Документы – их подальше убрать! Особенно документы, выданные особистами – вот подарок-то для немцев будет! Или сжечь их, от греха подальше?

Капитан повертел в руках спичечный коробок. Ага... А как к своим выйду, что говорить по этому поводу?

Нет уж... повременим пока.

Он ещё раз выглянул из кустов.

Пусто на полянке, нет здесь живых людей.

Ладно... поковыляем.

Уже через несколько метров пути, Ракутин натолкнулся на лежащую в траве винтовку – трехлинейку. Затвор был открыт, и в магазине поблескивал патрон. Присев на траву, Алексей осмотрел оружие. Так... в порядке вроде бы всё. Три патрона – уже хорошо! А хозяин винтовки где?

Рядом никого не оказалось.

Ну что ж, дальнобойное оружие (а пока – костыль) теперь имеется.

Передвигаться стало немного легче. По крайней мере, ноги теперь уже не так разъезжались.

Доковыляв до первого грузовика, капитан перевёл дух.

Ловить тут было решительно нечего – машина сгорела полностью, аж до ободов.

Второй грузовик порадовал обгоревшей буханкой хлеба. Сунув её за пазуху, Алексей побрел дальше. Кое-как он уже приспособился и даже шел более-менее по-прямой.

Развязанный вещмешок.

По траве рассыпан немудрёный солдатский припас. Ого – кусочек мыла! И бритва – опасная. Не бог весть что, не Золинген, но всё-таки! Пара запасных портянок, тоже пригодятся. Да и буханку есть теперь куда убрать. Обойма патронов к винтовке переключалась в карман.

Через полтора часа (не забыв подзавести часы) Ракутин смог оценить свой улов. На ремне теперь висели подсумки с патронами, боезапас к винтовке был даже больше положенного. Осмотрев тела погибших (немцы повыворачивали у них карманы, забрав документы и всё, что представляло какой-либо интерес), удалось разжиться банкой консервов и несколькими сухарями. Нашлась и фляга с водой, очень кстати. Спички, коробка с папиросами... Хотя и не курим, а вещь это очень даже полезная. Табак – он ведь не только на курево идет...

Вообще – совсем даже не густо.

Но для одиночного бойца пока хватит. Пару дней на этом просуществовать можно. К концу своих поисков, капитан уже кое-как ковылял – пару раз и без импровизированного костыля обошелся.

Далеко таким макаром, разумеется, не утопать, а уж через линию фронта в подобном состоянии – и подавно перейти не выйдет.

Ладно... успеем ещё. Пока надо подальше отсюда убираться.

Вот убитых бы похоронить...

Но Алексей только вздохнул.

И в лучшее-то время это заняло бы целый день – при условии, что немцы не станут мешать. Но вот как раз этого-то никто обещать не мог. Свой танк они не бросят, скоро уже придет сюда тягач, и придут ремонтники. Да и наверняка – не они одни. Пушку тоже заберут – такой трофей не бросят. Максимум, что Ракутин смог сделать – это смять прикладом визирь-колиматоры, испортить механизм наводки, погнув тяги и какие-то там рычажки. Хотя что-то!

А похоронить бойцов уже не успеть.

Да и самому уходить пора.

Только далеко уйти так и не удалось – ноги упорно не желали этого делать. Пришлось искать укрытие среди густой травы, лезть в овраг (рискуя не вылезти назад) совершенно не хотелось. Да и ушедших бойцов теперь не догнать – небось уже и линию фронта перешли...

Худо-бедно, а километра три пройти удалось, теперь навряд ли станут так далеко искать. Можно и отдохнуть, тем более что ноги настойчиво этого требуют.

А заодно – и поесть. Тоже, надо сказать, занятие полезное. Полбуханки хлеба (начхать, что обгорел – не до углей же?) и полфляги воды – вспомни годы пограничной службы! Небось, когда в секрете сутками сидел – и это за деликатес сходило.

Вещмешок – под голову, винтовку рядом. Можно и поспать. А пистолет сунем за пазуху – так, на всякий случай...

Сон был какой-то дерганый, Ракутин не раз просыпался – весь в поту. То вдруг всплывало перед глазами лицо подстреленного на станции ракетчика, то что-то говорил побелевшими губами Жданович... Словом, поспать вышло плохо, даже хуже, чем в предыдущую ночь.

Так что когда взошло солнце, он был этому даже рад. Скорее бы в путь! К фронту!

И, словно подчинившись этому желанию, ноги задвигались быстрее – контузия понемногу проходила. Только вот зрение... некоторые предметы ещё оставались двухконтурными.

Примерно через два часа впереди замаячили крыши.

Деревня?

Нет – домов маловато.

Скорее – какой-то хутор.

Это могло быть хорошей новостью, но Алексей помнил хозяина дома в деревне у моста. Тот вообще был – сама вежливость. А диверсантов фашистских укрывал! Здесь же – и вовсе хутор, в стороне стоит. Кто его знает, а ну, как и этот мужик, советскую власть недолюбливает? Рисковать попусту не хотелось.

И что теперь делать?

Пройти мимо?

В принципе, вполне возможно. Вода была – по пути попался ручеек. Полбуханки хлеба и банка консервов – на два дня пути достаточно.

Грохот орудий здесь уже был слышен – направление пути тоже понятно.

А вот физическое состояние – оно оставляло желать лучшего. Такими темпами твердо встать на ноги ранее, чем через три-четыре дня – нечего и думать.

Надо где-то отлежаться!

Голодным?

Ибо продуктов (хм...) надолго не хватит.

А никакого удобного места здесь пока что не просматривается. Кроме этого хутора.

Идти туда?

Несколько часов капитан пролежал в кустах, разглядывая домишки. Ничего необычного в них не было, да и все поведение жителей хутора тоже не вызывало никаких подозрений.

Колол дрова худой мужик. Несколько раз выходил из дому седой дед, надо думать, местный патриарх. Бегали по двору дети – две девчонки и пацан лет двенадцати. Ненадолго выглянула и женщина, скорее всего, жена худого.

Станным образом на хуторе отсутствовали собаки – и это натренированный глаз пограничника засек моментально. Что-то в этом было неправильное... да и в длинный сарай заглядывала только жена хозяина, детей туда он не пустил, грозно прикрикнув.

Интересно!

И что у него там?

Или кто? Зачем-то ведь женщина носила туда глиняный горшок? Явно не пустой, судя по тому, как осторожно она его держала. А назад шла уже легче, посуда ей явно рук не оттягивала.

Но до темноты оттуда так ни один человек не появился. И хозяйка тоже потеряла к строению всякий интерес.

Ну и фиг с ним, с сараем. Не полезем мы туда. А вот погреб... его навестить необходимо! Не будем ничего красть – купим. Благо что деньги ещё остались. Вот и совершим, так сказать, товарно-денежный обмен... Возьмем чуток, а денежку на видном месте положим. Погреб-то, он хоть и близко к дому стоит, ан вход его из окон не просматривается.

Вот с крыльца – другое дело.

Так не будет же никто там ночью сидеть...

Раз так, остается только ждать, вечер уже не за горами. Вот только солнце жарит... очень даже немилосердно. А спрятаться тут совершенно негде.

Кое-как заныкавшись в густой траве, Алексей принялся терпеливо ждать наступления темноты. Время тянулось невыносимо медленно, солнечные лучи припекали голову... словом, хреново все было.

Но – наконец-то! Последний луч заходящего дневного светила скрылся за горизонтом. Стемнело не сразу, но всякая жизнь на хуторе с наступлением темноты отнюдь не закончилась. Кто-то ходил по двору, и Ракутин несколько раз слышал приглушенные голоса. Пару раз звякнуло железо – обитатели хутора затеяли ремонт? Это ночью-то, да в темноте? Дня им для этого явно недостаточно... Капитана охватило глухое раздражение. Знать такое дело раньше – уж километров-то на пять уйти постарался бы – каким угодно способом. Идти ночью – глупо, ноги переломать шанс весьма высок – по дороге-то не потопаешь! Спать тут – так среди бела дня от хутора уходить... тоже не в радость. А снова ползти, как сегодня – сил уже недостаточно. Да и есть охота – спасу нет!

Однако ж возня продолжалась не слишком долго. Заскрипели ворота – точно, сарай зачем-то открывали.

Некоторое время было тихо, потом на дворе мелькнул огонек – кто-то прикуривал. Ещё один... ну да, мужиков-то тут двое.

Два огонька от папирос какое-то время ещё виднелись около погреба – курильщики уселись рядом. Некоторое время они ещё светились, потом исчезли в темноте.

Ушли, наконец, спать?

Капитан пролежал ещё с полчаса, внимательно прислушиваясь к темноте.

Тихо...

Так, винтовку в кусты, с ней не слишком поползаешь, мешать будет. Ходить, скорее всего, не получится, так что и «костыль» особо ни к чему. Луна, мать её, светит и вставший на ноги человек будет хорошо заметен.

Кстати... неплохо бы и это самое... в смысле, в кусты сходить, днем особо не помаячишь здесь, если далеко уползти не выйдет. Это с той стороны, откуда я приковылял, холмики. А вот там, куда идти надобно, открытая местность – любого человека далеко видно будет. Так что уж лучше сейчас, в темноте.

Под ногами скрипнули мелкие камешки – двор. Он у местного хозяина чистый, наверное, метут своевременно.

Так, где погреб?

Ракутин присел на землю и осмотрелся. Сарай – справа, дом, стало быть, там... Ага, понятно. Ну да мы короткой дорогой не попремся, неохота под луною маячить. А возьмем-ка лучше левее... вот, так!

Промаяхнулся он всего на десяток метров, что, с учетом последствий контузии, можно было считать, прямо-таки, выдающимся результатом!

Вот и дверь погреба... замок!

Опа...

А вот не слыхал я, чтобы на эти двери замки навешивали! Щеколда – да и та больше от собак и кошек. Здесь же вполне себе основательный (на ощупь) замок болтается. От кого ж тут заперлись-то? От своих же домочадцев? Чушь...

Впрочем, пограничники всегда отличались смекалкой и нетривиальностью мышления. И вдобавок – некоторыми специфическими навыками. Которые Алексей за годы последующей службы, не только не растерял, но ещё и основательно приумножил.

А гвоздик в кармане имелся.

Так что уже через десяток минут, замок бессильно повис на дверной скобе – путь вниз был открыт. Погреб, как и повсюду в данных краях, представлял собою небольшую постройку (обычно с соломенной крышей), в полу которой имелся люк с лестницей, ведущей вниз. И вот уже в этом самом подвале и хранилось съестное. А уличная дверь обычно запиралась на щеколду, никакого замка на неё обычно не навешивали.

Прикрыв за собою дверь, капитан осторожно, ощупывая ногами ступени, стал спускаться вниз.

А странноватый тут запах!

Уж точно – не копченый окорок! Отчего-то, Ракутину привиделся именно он – слегка покачивающийся на крюке и источающий соблазнительный запах. Видел он такие – в Испании пробовать приходилось, тамошние товарищи угощали...

Но нет, тот иначе пах.

А чего тут гадать – спички же есть! С улицы не разглядят, я уже вниз спустился, – подумал Алексей.

Метнувшийся в потоке воздуха огонек осветил дощатые ступени, низкий потолок и земляной пол, на котором абсолютно обыденно и с ленивой уверенностью, раскорячился станковый пулемет...

Да... интересные у здешнего хозяина окорока... а уж сметана, надо думать, с термитным наполнением.

Присев на корточки, Ракутин осмотрел пулемет.

Обычный «максим», только ленты нет. И вообще патронов никаких.

В меру пошарпанный, но, похоже, вполне рабочий.

Относительно того, откуда он здесь, капитан никаких иллюзий не строил – достать сейчас что-либо подобное – никаких проблем не составило бы. Вокруг такого добра валяется – только не ленись нагибаться. А вот зачем хозяину именно станкач? По уму – так и винтовкой обошелся бы, в хозяйство она даже нужнее будет.

Впрочем, сметана у хуторянина оказалась вполне себе съедобной – капитан и не заметил, как быстро приговорил небольшой глечик. И никакого термита в ней не оказалось, хорошая, очень даже вкусная, сметанка – любому коту на радость. А уж с куском хлеба (пусть и подгорелого) – вообще царское угощение! Жаль только, что особо много её не съесть – из кустов не вылезешь опосля...

После недолгих поисков, Ракутин запихнул в вещмешок круг домашней колбасы, десяток яиц (надо будет их сварить при первой же возможности). Кусок домашнего же сыра, тоже оказался вполне аппетитным – и отправился вслед за колбасой.

Ну, вот и всё, пора честь знать.

Вытащив из полевой сумки оставшиеся деньги, Алексей поделил пачку пополам и положил одну из половинок на видное место.

Вот так, теперь и совесть мучить не станет!

Приподнявшись по ступенькам, он прислушался, приложив ухо к двери.

А ходит кто-то во дворе!

Неслышно так... ну, почти неслышно.

Час назад капитана это нимало бы не смутило – мало ли кто и зачем там ходит? Даже в своем теперешнем состоянии Ракутин смог бы тихо пересечь кусок открытого места – и кануть в густую траву. Иди, коли охота, ищи меня там!

Но вот стоявший на полу станкач наводил на нехорошие размышления. У бродящего по двору человека могло быть оружие. Никто следом не побежит – просто выстрелит. И не факт, что промажет.

Подождём... не станет же он до утра тут бродить?

Однако, время шло, а находившийся во дворе человек уходить никуда не собирался. Более того, скрипнула дверь (это уж точно из дома – с той стороны звук раздался) и к нему присоединился ещё кто-то.

Вот же мать вашу за ногу!

У вас там что, диспут о построении светлого будущего намечается?! Тут светать скоро станет, идти пора, а вам языки охота почесать?

Снова запели петли – это уже в сарае двери открывались.

Топот копыт – вывели лошадь.

Скрип – это уж точно колесо, стало быть, и телегу выкатили.

Ехать собираетесь?

Скатертью вам дорога, дорогие вы мои! Только уж не задерживайтесь тут слишком, лады?

Как накаркал...

Около двери погребца протопали чьи-то сапоги, прозвучало удивленное восклицание... и что-то явственно щелкнуло.

Замок на место присобачили?

Ну да...

Ракутин аккуратно привесил его на одну из петель – типа, забыли закрыть.

Вот проходящий мимо человек и узрел эту «оплошность».

Оф-ф-фигеть! И что теперь делать?

Во дворе, судя по звукам, человека три-четыре точно есть. Очень даже возможно, что и с оружием. И кто их знает – как они там сейчас настроены? А ну, вдруг и эти хуторяне – пособники немецкие? Пулемет-то у них явно не просто так появился – зачем-то он им нужен? Крикнешь – и вилы! Даже стрелять не станут, сунут гранату в щель – и амба!

Не хотелось капитану кричать...

Ладно, не всё ещё потеряно. Присутствия духа Алексей не потерял. Пускай уже едут, в крайнем случае, какой-то выход из создавшегося положения все едино отыщется. Можно будет и крышу разобрать – она тут не железом покрыта, дырку сделать не так уж и сложно.

Вот уберется телега подальше – тут и за работу примемся.

А пока – повременим.

Ракутин спустился вниз, ощупью отыскал уголок поудобнее и уселся на землю – ждать.

И дождался же!

Тонкий лучик солнечного света, проникнув сквозь щель между дверью и косяком, заставил капитана зажмурить глаза.

Проспал!

Как солдат-первогодок на посту!

Лопух безмозглый!

Алексей судорожно дернулся, и чуть не свалил с полки какой-то горшок, успев в последний момент придержать его рукой.

Черт!

Нет, ну надо же... диверсант, весь такой из себя навороченный – и проспал! Позор-то какой...

А ведь скоро уже кто-то сюда пожалует... и что тогда делать? Здравсьте, хозяева любезные, вы уж во двор меня выпустите, явите божескую милость...

Капитана Красной Армии, как какого-то неудачливого воришку, в погребе прихватили – прямо на месте преступления! А в вещмешке – уворованное...

Вздыхнув, Алексей с сожалением выгрузил на прежнее место все припасы. Убрал назад в полевую сумку деньги. Теперь, в крайнем разе, можно будет сказать, что попросту залез сюда, чтобы поспать. Не станут же хозяева поднимать крик из-за съеденной сметаны?

Не удержавшись, он откусил-таки кусок колбасы – уж очень есть хотелось...

Снова ждать – теперь, пока кто-нибудь не откроет замок. Ломать крышу на глазах у хуторян – глупость несусветная.

А хутор, между тем, понемногу просыпался. Вернулись ли из ночной поездки неизвестные добытчики (явно ведь что-то спереть собирались) – бог весть. Дети, во всяком случае, присутствовали – носились по двору. Пару раз мелькнула в поле зрения и хозяйка – несла куда-то горшок.

А вот самого хозяина хутора не видать...

Дед – вон он, вылез на крыльцо, сигарку сворачивает.

Скоро уже хозяйка на стол собирать начнет, вот тогда и погреб отопрет. Это, пока мужа нет, она стол и не накрывает – тут с этим строго. Оттого и в погреб пока не лезет.

Пора бы уже и ему прибыть...

И словно отвечая на невысказанный вслух вопрос, возник в воздухе гул. Не слишком явный, но, тем не менее, отчетливо различимый.

Во всяком случае, неслышанным он точно не остался – встревожено оглянулась в ту сторону хозяйка. Прикрикнув на детей, она повелительным жестом указала им на кусты, росшие чуть поодаль от хутора.

Прячет?

От кого?

Видать, причины к тому есть...

Комкая в руках фартук, женщина подошла к воротам и остановилась.

В узкие щели под крышей это место просматривалось плохо, и Алексею так и не удалось разглядеть источник шума.

Зато слышимость была превосходная и недостаток обзора отчасти компенсировала.

Механический звук – двигатель?

Разный по тональности – машина не одна?

Чуть с подвыванием – тяжелый агрегат едет, двигатель работает с напряжением. Броневик?

Лязга гусениц не слышно – точно, не танк. И не танкетка – там звук другой.

Скрипнули тормоза, машины въехав во двор, остановились.

Хлопанье дверей, топот ног – вылезают пассажиры.

А много их...

Отрывистая команда по-немецки!

Здрасьте, приехали...

Неужто хозяин как-то углядел мои шастанья по двору? И запер дверь совершенно сознательно? А опосля поехал к немцам?

Вот же куркуль проклятый!

И хозяйка детей отослала – понимает, что без стрельбы не обойдется.

А винтовка в траве осталась...

Да, впрочем, хрен с ней – пистолет, в данном конкретном случае, намного удобнее будет. Пусть только сунутся... парочку покойников точно обеспечу! Эх, нет гранаты!

Повозившись, уже и не особенно таясь, Ракутин выдернул из глухой стены кусок жерди – образовалось отверстие, в которое можно было теперь разглядеть ту часть двора, что ранее не просматривалась. Правда, для этого пришлось проползти почти под крышу погреба, но он был уверен, что при необходимости успеет быстро развернуться лицом к двери.

Но бросив в открывшееся отверстие всего один взгляд, Алексей понял – он был не прав в отношении хозяина хутора, события развивались совсем по другому сценарию...

Своротив набок плетень, тупым носом торчал в образовавшемся проломе бронетранспортер. Чуть позади него виднелся грузовик, пассажиры которого сейчас заполняли двор. Как и следовало ожидать, все они носили немецкую форму и принадлежали к рядам вражеской армии.

Хотя, были и исключения.

Например, сам хозяин хутора и его собеседники – на них никакой формы не имелось. Чего нельзя было сказать об оружии – собеседники хуторянина таскали за спиной винтовки.

И белые повязки на рукавах. Да и с хозяином они себя вели как-то очень невежливо, что легко можно было понять из их разговора...

– Ну что, Игнат, довыпендривался? – сграбастав в немаленьком таком кулаке ворот хозяйской рубашки, поинтересовался один из белоповязочников. – Иде ж теперича твои комиссары? Отчего на подмогу не спешат?

Судя по внешнему виду Игната, общение с «гостями» началось далеко не сейчас и ничего хорошего ему не сулило. Так что и вопрос этот можно было считать, скорее, риторическим. Похоже, что и он сам это хорошо понимал, поэтому ничего отвечать не стал.

Что весьма не понравилось вопрошавшему. И он от всей души пнул хуторянина сапогом.

– Генуг! Хватит!

Офицер...

Распахнул дверцу бронетранспортера, сидит вполоборота и виден не очень-то хорошо. Выдала его фуражка, а то Алексей так и не понял бы кто это там командует.

– Слушаюсь, герр офицер! – Подобострастно поклонился один из белоповязочников. – Митька! Хорош там! По делу давай!

– Можно и так... – нехотя разжал кулак названный, отпуская Игната. – Слышь! Где там у тебя краснюки захованы? Покажь!

Так...

Похоже, вилы... Сейчас хуторянин укажет им на погреб – и тогда, копец, не уйти.

Рука Ракутина скользнула к пистолету.

До собеседников отсюда метров пятнадцать, даже чуть меньше – не промахнусь. Офицера не достать – это фигово. Ну, парочку солдат я уж точно ухандокаю, вместе с этими прихвостнями – им-то уж однозначно карачун!

А как же так выходит?

Хозяин меня запер и побежал к немцам на доклад?

Что-то не стыкуется... за что же ему тогда по морде насовали? А насовали качественно – даже отсюда видно.

– Один он был... – сплюнул на землю Игнат.

– Да ну?! А бинтов зачем столько нахапал, кобелю лапу перевязывать? И попутчик твой, шибко резвый, откель нарисовался?

– Один был... на телегу сиганул – да и винтарь к морде, мол, вези...

– Ох, и здоров ты врать... аж заслушаешься! Колись, брехло краснопузое! А, то...

Ба-бах!

Выстрел ударил совершенно неожиданно – все вздрогнули.

А из ворот сарая, кубарем выкатился краснощекий фриц, зажимая рукой левое плечо. Пулей пролетев несколько метров, он ничком рухнул за колоду, из которой поили скот.

Надо отдать должное немцам, они не растерялись.

Гулко рыкнул пулемет бронетранспортера, вышибая щепки из дверей сарая. Очередь прошла слева направо, потом в обратном направлении...

А когда замолк пулемет, ни одного немца видно не было – все они успели нырнуть за укрытия, откуда теперь торчали только оружейные стволы. И большинство из них недвусмысленно уставилось на сарай. Некоторые, надо отметить, и в сторону дома смотрели – молодцы фрицы, спину берегут. Грамотно воспользовались той паузой, что предоставил им пулеметчик, заняли позиции и теперь со стороны неведомого стрелка их достать проблематично.

Попрятались и прихвостни, правда, далеко не так удачно и профессионально, как фашистские солдаты. То нога торчит у кого, то плечо... или толстая задница.

«Всадить бы тебе туда пулю!» – мстительно подумал Алексей.

Однако – это шанс!

Все смотрят на сарай, в мою сторону даже никто и не глянул! Ну, так, отсюда не стреляют же?!

Нажать плечом... треснула и отошла одна из досок. Теперь-то можно уже не прятаться и не опасаться, что треск услышит кто-нибудь из хозяев. Да и фрицам не до этого сейчас.

И ещё разок...

Есть дырка!

Наверное, это сказалось дикое напряжение – в обычной ситуации Ракутин пять раз подумал бы, прежде чем навалиться на столь прочную с виду стенку. А сейчас – терять нечего, других вариантов спасения как-то не просматривалось. Навершие погреба для защиты от пуль не предназначено совершенно, и принимать бой на этой позиции – самоубийство. А прятаться внизу – до первой гранаты.

Ужом скользнув в проделанное отверстие, капитан плюхнулся на землю, и, оставляя между собою и немцами погреб, быстро пополз к кустам.

Не бежать!

Как бы это было ни соблазнительно!

Резкое движение человек моментом засекает – даже и боковым зрением. Секунд несколько у меня есть... метров за десять уползу. Может – и подальше.

Пока немцы не очухались, и к погребу не рванулись.

Но из сарая никто более не стрелял.

Негромкая команда – топот ног. Слава Богу – не в мою сторону.

Это они фланг обрезают – чтобы никто в степь не уполз! Но начали, как и положено по уставу – с флангов. То есть морды у них у всех, сейчас повернуты в ту сторону.

Правый фланг – закрепить, пресечь попытку отхода и деблокировки сарая извне.

Левый – аналогично.

Тыл... чей – свой или противника?

Надо думать – тот и другой.

И побегут они уже сейчас!

И мы тоже... благо что недалеко...

Свалившись в траву, Ракутин выдохнул – успел! Стоило только упасть на землю, как из-за треугольника погреба показались каски подбегающих солдат.

Две-три секунды!

И величина-то – всего никакая, просто мизер!

Так это – как и кем считается... Для погони – тьфу и растереть!

А вот для беглеца...

Тут секунда жизнь спасает!

Некоторое время он просто лежал в траве, прислушиваясь к крикам солдат и шуму во дворе. А в груди бешено колотилось сердце...

Ушел...

Пусть и не до конца ещё, но вот в погребе точно никаких шансов не имелось. Чем бы и как ни закончилась перестрелка, а фашисты, по-любому, перевернут все подворье вверх дном. А уж в погреб залезут обязательно – хотя бы и за жратвой. Тут-то капитану и карачун...

Однако надо бы и посмотреть – что там происходит?

Только вот голову из кустов высовывать не нужно, немцы сейчас нервные и пальнут запросто.

Поэтому, прежде чем удовлетворить своё любопытство, Алексей осторожно отполз влево – к приметному кусту. Высовывать оттуда голову, на первый взгляд казалось несусветной глуп-

постью – но только на первый. Ещё вчера, наблюдая за хутором, Ракутин аккуратно выщипал немного листьев на нижних ветках – получилось подобие смотровой щели.

Не Бог весть что – но двор разглядеть было можно. А вот увидеть наблюдателя, выглядывающего из травы позади куста... задача не из легких. Даже привычный к окружающему пейзажу хуторянин – и тот ничего не заметил. Фрицы же и подавно не просекут – они тут в первый раз.

На хуторе пока никаких особенных изменений не произошло. По-прежнему прятались за укрытиями немцы, и зорко сторожил малейшее движение пулеметчик на бронетранспортере – Алексей видел, как он настороженно поводит стволом своего оружия.

Свисток!

Откуда-то сбоку.

Эхом ему откликнулся второй – немцы сигнализировали о занятии позиций.

И это неприятно озадачило Ракутина, второй свисток прозвучал совсем неподалеку.

М-м-мать!

Отползти?

Поздно – можно выдать себя шевелением травы. Да и неизвестно где солдаты попрятались, может, прямо на них и выползу...

Лежим... и не отвешиваем, второй раз уже не повезёт.

А на дворе обозначилось движение.

Ныкавшийся в какой-то ямке белопоязочный прихвостень, неохотно встал на ноги (видать, ему доходчиво пояснили его обязанности) и, помахивая над головой какой-то тряпкой, осторожными шажками приблизился к полуоткрытым воротам сарая. Дальше идти не рискнул и заорал оттуда:

– Немецкое командование предлагает вам сложить оружие! Сопротивление бесполезно! Красная Армия разбита по всему фронту и бежит!

Проорав эти слова, он зайцем сиганул за ту самую колоду, куда прежде упал подстреленный немец. И тотчас же выкатился назад – раненый ухудшать свое положение не хотел и от души пнул незваного гостя.

В воротах сарая обозначилось какое-то движение. И на свет выступил, точнее, проковылял одинокий боец. Левая нога была у него обута в сапог, а правая – щедро обмотанная каким-то тряпьем, подтянута к поясу веревкой. Опираясь он на винтовку, которую использовал (как недавно и Ракутин) в качестве импровизированного костыля.

– Стоять! – раздался выкрик со стороны немцев. – Оружие бросайте!

Боец разжал руку, и винтовка шлепнулась в пыль. Сам он оперся спиной о створку ворот.

– Кто есть ты?!

Ветер стих, и Алексей мог различать слова.

– Сомов...

– Кто?

– Сомов я!

– Ты ест один? – поинтересовался говорящий по-русски немец.

– Хожу один. Прочие лежащие все...

– Кто стрелять?

– Ну, я...

Со стороны немцев шустро вывернулось трое солдат. Опытные черти – ни один из них ни разу не перекрыл своим товарищам сектор стрельбы. Быстро подскочив к сараю, первый из них отбросил в сторону винтовку и, припав на колено, взял проем ворот на мушку карабина. Второй, наклонившись к земле, осторожно заглянул внутрь. Некоторое время он приглядывался,

потом махнул рукой. Стороживший красноармейца третий немец, одним движением подскочил к своему товарищу, а когда тот скользнул внутрь сарая, занял его место.

Впрочем, ушедший солдат достаточно быстро появился на улице. Подхватив винтовку, троица ретировалась к бронетранспортеру. По пути они вытащили из-за колоды подстреленного товарища и увели его с собой. Белоповязочник ретировался ещё раньше. Оставшийся в одиночестве красноармеец, сполз вдоль створки и сел на землю. Пошарив в карманах, он вытащил что-то. Порылся ещё... чиркнул спичкой. Закурил...

Так там, в сарае – раненые! Наши бойцы, наверное, отступающие их здесь оставили. А что? Место глуховатое, от дорог вдалеке...

Вот, значит, куда уезжал хуторянин! Бинты искал, да медикаменты... Да неудачно, похоже, за этим занятием его немцы и прихватили. Где он искать-то мог? Только на местах недавних боев – а там не он один такие поиски производит. Так и столкнулись...

– Ви может уходить назад! – крикнул переводчик. – К своим камерад! Немецкое командование решить ваш вопрос!

Ну, да... решит оно.

Сомов усмехнулся, аккуратно загасив папиросу, убрал её за отворот пилотки. Цепляясь за створку, приподнялся. «Костыля» у него теперь не было, так что он опирался о стену. Шагнул назад, боец скрылся в темноте.

Некоторое время ничего не происходило. Потом, со стороны немцев появилась небольшая процессия.

Игнат, его жена и дети – все трое малышей. Они же прятаться побежали? Ну, да... под кровать, небось, и спрятались – как от злого буки. А бука оказался в серой, мышиного цвета, форме, и под кровать заглянуть не поленился... Чуть отстав, семенил следом и дед. Завершали шествие белоповязочники, воинственно ошетилившиеся винтовками.

Подойдя к сараю, семья хуторян скрылась внутри.

Прихвостни за ними не последовали. Забросив оружие за спину, они сноровисто прикрыли ворота и подперли их колом. Подкатив телегу, поставили её так, что открыть теперь створки было почти невозможно.

Теперь подтянулись и немцы. Быстро раскидав стожок сена, они обложили им стены сарая.

Поджигать станут?

Алексей не верил своим глазам. Есть ведь и у них какая-то совесть?!

Нет, слышать и видеть ему приходилось всякое... но ведь то в бою же!

Нет, родной... не только в бою. Рановато для склероза-то... ведь приходилось слышать от товарищей... всякое, в общем, приходилось...

Скрипнув зубами, Ракутин взвел курок браунинга.

Нельзя же так! Надо что-то делать!

Свалить одного-двух солдат?

Запросто – но тогда немцы однозначно сарай подожгут. И ему тоже уже никуда не уйти – здесь и закопают.

Может, не станут они так-то?

Раненые же... и оружие боец бросил. Не представляют они никакой опасности.

Да вот и немцы отошли. Построились у машин.

Уезжать собираются?

Вот и от погреба спешат. Пулемет катят и ещё что-то несут, надо полагать, ограбили хозяйские запасы. Сейчас они всё это погрузят – и ходу. Попугать решили? Впрочем, бросить тут раненых без помощи – тот ещё вид издевательства, долго им не протянуть.

Хлопок!

И красная ракета прочертила двор, зарывшись в кучу сена под стеной.

Ещё одна!

В сарае закричали!

Дрогнули ворота – на них кто-то навалился изнутри.

Да-дах!

Низко над землей метнулись трассеры – пулемет на бронетранспортере стеганул по сараю очередью. Горохом рассыпались и винтовочные выстрелы – это белоповязочники, опустившись на колени, опустошали магазины своих винтовок.

Серо-черные клубы дыма рванулись вверх из-под крыши сарая...

Гул моторов постепенно затих.

Осела на землю пыль, поднятая уходящими машинами.

И стал хорошо слышен треск огня – сарай догорал.

А в ушах Ракутина все ещё звучали крики заживо сжигаемых людей. Он всё ещё слышал удары о ворота, треск выстрелов... Казалось, что всё это ещё происходит наяву...

Он поднял голову.

Двор опустел, и только одинокая телега стояла около покосившегося плетня. Уехавшие солдаты забрали с собою всё съестное, что удалось отыскать в погребе и доме. А вот скотину – ту оставили. Несподручно перегонять коров и свиней, когда едешь на автотранспорте. Поэтому, немцы ограничились гусями и курами – быстро свернув им шеи, солдаты побросали добычу в грузовик. Туда же затащили и одного поросенка. А все оставшееся препоручили заботам своих прислужников – те сейчас бегали по двору, сгоняя живность в одну кучку.

И попутно не забывали о себе – на глазах у Алексея, один из прихвостней запихнул в телегу пару сапог и несколько отрезков ткани. Надо думать, что и его товарищи внакладе не остались – в телегу побросали какие-то узлы, видать игнатовское добро экспроприировали. И увлеченно продолжали дальнейшие поиски – место для добра ещё оставалось.

Капитан скрипнул зубами и поднял с земли оброненный пистолет. Стер пыль и проверил механизм. Все в норме. Где-то рядом ещё и винтовка оставалась... но с ней потом решим.

А сколько этих типов тут орудует?

Один, второй... четверо их.

Тот, которого называли Митяем, покрикивает на скотину и никуда, похоже, уходить не собирается – ему и так хорошо. Сидит себе на солнышке и покуривает.

А оставшаяся тройца пашет в поте лица.

Скотину они всю согнали в кучку и теперь увлеченно потрошат дом хуторян, выискивая там что-нибудь полезное для себя. Правда, надо отдать им должное, винтовки не оставили, таскают оружие с собой.

Именно что – таскают. Носят оружие – совсем по-другому.

Ладно... нам пока и Митяй пригодится...

Совсем уж бесшумно Алексей подобраться к нему ещё не мог – контузия... Оттого и движения выходили какими-то размазанными и неточными. Да и ноги болели... Впрочем, не болели уже. Пережитое потрясение чем-то напомнило (по эффективности воздействия) хороший такой хук слева! Разом из башки выветрились всякие ненужности, и мысли даже приобрели некоторую стройность. Весьма, впрочем, недостаточную для правильной работы, но за неимением гербовой... пишем и на газетке. Авось, не фрицы тут – вчерашние уголовники, да прочая шушера, даже оружие толком держать не научились.

Главное – не нашуметь раньше времени.

Уже обогнув по дуге хутор, Ракутин вдруг изменил свои намерения.

Митяй – оно и невредно, но ведь в доме-то прихвостней трое! И с ними воевать на дистанции... на фиг! Обойдусь...

К жилью хуторян можно было подойти по тропе – хорошо утоптанной. И также хорошо из окон просматривавшейся – в этом капитан был уверен!

Но ведь можно и не спешить?

Нет, уже нельзя! Пару раз белоповязочники уже добро в телегу таскали – сколько его ещё тут есть? Уж наверняка – не склад сельпо. Одна ходка – и наострят лыжи. То-то они так долго в этот раз копаются, явно, вещи получше отбирают...

Поэтому, к самому дому Алексей подбирался с угла – этот путь не просматривался из окон. Правда, там был плетень... так то ж не против людей! Уж точно – не против старого опытного диверсанта...

Прижавшись к стене, капитан перевел дух.

Судя по доносившимся изнутри звукам, грабеж шел полным ходом – народ не церемонясь, сшибал замки с сундуков и корежил безропотные шкафы чем-то увесистым.

«Прикладами, поди, долбят...» – сплюнул Ракутин. – По башке б тебя эдак постучать!»

Для чего люди ставят часовых?

Прежде всего – для собственной безопасности. Чтобы, пока тот доблестно мерзнет на ветру, все прочие могли бы без помех и нервозности заняться чем-то более интересным. Поспать или поесть. Или вот, как сейчас – пограбить.

Правда, наличие часового никак не дает всем прочим разрешения на расслабление. Совлом щелкать – ни в какой ситуации непозволительно. В царской армии – к часовому даже подчаска выставляли, дабы тот и его самого тоже караулил. Да и в Красной Армии такое практиковалось...

Так даже и там народ позволял себе чрезмерно расслабляться. За что закономерно и огребал. Грешили этим все – немцы тоже исключением не были. И финны. Про испанцев – и вовсе говорить нечего, там всеобщее раздолбайство достигало порою совершенно неопишуемой величины.

Но в данном случае вышеперечисленные «товарищи» отдыхали – по сравнению с белоповязочными прихвостнями все они сейчас выглядели бледно...

Ибо указанные деятели не только не смотрели по сторонам, но даже и оружие свое поставили у стенок – чтобы не мешало потрошить чужие вещи. А замок с массивного сундука сбивали топором, который, надо думать, где-то здесь и отыскался.

Скорее всего, они резонно полагали, что любой гипотетический злодей (буде таковой тут откуда-то возьмется) первым делом обязательно нападет на часового – как на самую слабую часть банды. Лезть же на основные силы мог (с их точки зрения) только сумасшедший.

Ну-ну... думайте так и дальше...

Звякнул об пол металл – замок наконец-то поддался усилиям мародеров.

Махавший топором мужик удовлетворенно крикнул и отшвырнул его в сторону – не нужен более. И напрасно – такая вещь всегда в хозяйстве пригодится, вот и запихнем его сзади за ремень...

Скрипнула крышка сундука, и вся троица заинтересованно уставилась в его нутро. Старший из них нетерпеливо отпихнул локтем соседа – не мешай! И ничуть не удивился тому, что сбоку стало свободнее – ясно же дураку сказано...

Неладное он почуял только тогда, когда что-то острое кольнуло его в район поясницы. Открыл рот, но сильная рука перехватила горло – и не вышло крика...

Третьего белоповязочника Алексей огрел подобранным топором – вытаскивать нож было некогда. А тот уже начал было разворачиваться на шум.

Второй, подколотый им в печень, ещё сучил ногами по полу, но с ним уже всё было ясно – не жилец.

С него Ракутин и снял кобуру с наганом – не помешает. Морщась от брезгливости (ещё и руки об таких марать...) вытер клинок ножа и сунул его в ножны.

Так... что мы имеем?

Три винтовки – две трехлинейки и польскую. Все – не новые, порядком уже потасканные. Здесь разве что патроны пригодятся – та винтовка, что в траве осталась, намного лучше выглядит.

Пнув ногою вещмешок, поставленный к стене, капитан обнаружил в нём каравай хлеба, и изрядный шмат сала – как это немцы его зевнули? Или прихвостни его ещё раньше зажать успели? Тайком от хозяев, так сказать... Почти полная литровая бутылка с молоком – горлышко заткнуто деревянной пробкой.

И все – более ничего съестного не нашлось.

Ну, ещё и телега осталась – там тоже что-то можно отыскать.

И часовой – с ним-то так спешить не нужно.

Кстати!

У мертвяков-то ведь и табак имеется!

И неплохой – жуткой, надо думать, крепости и духовитости самосад. Самое то...

Подобрав с пола пустой мешок, Ракутин высыпал в него оба найденных кисета. Хорошенько перемешал и встряхнул.

Готово...

Этот фокус ему рассказывал ещё дед Миша – как в воду глядел, пригодилось!

Теперь переоденем брюки – они покойнику ни к чему, пиджак... хорошо, что кровью не сильно его запачкало. Повязку гадскую поправим – чуть не свалилась. А сапоги у нас и так похожие. Винтовку за плечо, мешок в руки (так, чтобы лицо прикрывал) – и пошли...

Увидев подходящего сзади человека с мешком в руках, Митяй только языком поцокал – надо же! Сколько всего накопили-то! А с виду и не сказать, что богатый дом...

Он слегка пододвинулся в сторону, чтобы подхитивший не задел его своей ношей. А когда мешок (тяжелый, должно быть) внезапно повело в сторону, выбросил вперед руку – подержать.

И внезапно на его голову обрушилось что-то легкое и непонятное – сразу стало темно. И стоило только открыть рот, чтобы вздохнуть...

Глядя на бившееся в припадках кашля тело, Алексей только присвистнул – ну, дед и присоветовал... Он же сейчас все легкие выплюнет!

Но нет, не похоже. Да и мешок вовремя у него с головы сняли.

Подобрав винтовку незадачливого часового, он пристроил её к плетню.

– Ну?! Долго ещё тут комедию ломать собираешься? Смотри, я человек нетерпеливый!

Сможет он говорить, тут и к бабке не ходи. Петь вот не получится, как и орать громко – опосля табачного-то сюрприза.

Хитроумный дед, когда рассказывал о вариантах применения такого вот мешочка с табаком, специально подчеркнул, что запорошив человеку глаза и дыхалку табачной пылью, можно разом свести его активность практически к нулю. Видеть он после такого фокуса, почти не сможет, да и дышать будет с большим трудом – не до воплей.

– Это, чтобы вы знали, старинный казацкий способ снятия часовых. Только мешок обычно из кожи шили – она всякие вопли глушит намертво! Ежели супостата по лбу звездануть – так ведь и переборщить недолго. Может и копыта отбросить, – вещал дед Миша, развалившись на койке. – А табачок, особливо злой – самое милое дело. Ни нюхать, ни орать – да и смотреть-то, почитай, что и нечем...

Не будучи сильно уверен в своих способностях правильно и прицельно (в смысле – не до смерти) огреть часового по башке, Ракутин и решил использовать науку старого сапера. Да и здоров был Митяй... а ну, как недостаточно сильно стукнешь?

Вот поговорить с ним капитану очень даже хотелось.

Было у него несколько вопросов к этому субчику...

– Ну? Оклемался?

– Да-х... да...

– Кто командовал немцами?

– Лей... лейтенант Рингольден... так, вроде...

– Откуда он?

– Их часть туточки рядом стоит... верст пять...

– Кто Игната заложил?

– Не... никто его... Они на поле копошились, где бой был, искали чего-то. А нас там поставили стеречь. Вот Панас его и углядел. Стали кричать, а тот, что... что с ним был – стрелнул, да и в кусты. А Игнат... он телегу бросить не схотел... вот и поймали его.

– И немцам сдали...

– Так ить... власть оне! Как не сдашь? У немца с этим делом строго!

Капитан только зубами скрипнул.

– Куда скотину гнать собрались?

– Так это... к немцам! Куды ж ишшо-то? Ихний главный так распорядился.

– Кто должен её гнать?

– От нас кого назначат – тот и погонит. А прочие – домой.

– С награбленным добром?

– Так... Игнату оно и без нужды-то! Чего пропадать впусте? Это немцы все сотворили – не мы!

– И ворота запирали... телегу ставили – тоже чужаки какие-то? А?

– Дык... немец же сказал!

– Угу... – Алексей присел на корточки, разглядывая лежащего на земле пленника. – Раненых вытащить – тоже немец не разрешил?

– Он! Такой злыдень!

– Куда скот вести?

– А тутось – версты три... чуток, может, и более. Туда! – кивнул головою пленный. – Рядом всё! К ночи и дошли бы...

– Пароль у часовых какой?

– Чегось? Не знаю я ...

Так, толку с этого петуха более не будет – он и так уже рассказал всё, что знал. Ну что ж... отведем его к товарищам... на добрый сон. Пора уже, скоро темнеть станет, а тут ещё столько топать...

Спустя полчаса, закончив кое-какие приготовления, Ракутин неторопливо топал по дороге, помахивая найденным в сених дома кнутом – подгонял бредущее вперед стадо. Форму свою он убрал в висящий за спиною вещмешок, напялив на себя подходящую по размерам одежду. На рукав присобачил пресловутую повязку и теперь мало чем отличался от давешних прихвостней. И в самом деле, маловероятно, чтобы все немецкие солдаты знали в лицо этих деятелей. Проходящая часть, сегодня они здесь, а завтра – за полсотни километров. Какая нужда в том, чтобы запоминать местных предателей?

Его нimalo не терзали муки совести относительно судьбы этих негодяев. Какая, к чертям свинячьим, разница, что побудило их поднять оружие против советской власти? Так или иначе, а они пошли против своих. Своих же соседей и всей страны. Предали всё. И вопрос их

жизни или смерти не стоял перед Алексеем вообще. Как поднял оружие против своих – всё, покойник. Разница только в том, как скоро его прикопают. Правда, этой четверке не повезло и в этом – капитан отволол их тела в дальнюю комнату, хоронить не было ни времени, ни желания. И без захоронения перебудутся... Да и опосля того, что он собирался натворить сегодня в деревне, семьям предателей тоже на орехи прилетит. С очень большой вероятностью. Ну и что? Жировать, используя награбленное отцом или сыном добро – можно, а отвечать – так уже нет? Фигушки...

Каких-либо конкретных планов у него не было, расположение домов в деревне он представлял только со слов покойного ныне Митяя. Лейтенант этот квартировал в доме, из которого выперли всех жителей. Рингольден... Рейнгольд, скорее всего. Это прихвостень так искал непривычную фамилию.

Командир взвода.

Ну что ж, лейтенант, тут твой путь и закончится. Надеюсь, что из этого дома ты уже никуда не уйдешь. Да и взвод твой несколько приуменьшит свою численность. Всех перебить, разумеется, не выйдет, но уж сколько-то фрицев все же приглубить получится. Все нашим на фронте легче будет.

Авантюра?

Самой чистой воды, даже и добавить нечего. Скорее всего, и капитану уже тоже никуда не уйти из этой деревеньки. Он это понимал, равно, как и то, что подобный поступок был далеко не самым обдуманным. Но он был правильным. Оставить деяние немцев безнаказанным Алексей попросту не мог, не имел права. Одно дело – слышать такие рассказы от других. И совсем другое – видеть это самому. Невозможно дальше жить спокойно, если он не отомстит немцам за такие вещи. И не каким-то там абстрактным фрицам – а именно этим! (Во слово-то какое на ум пришло! Это в Испании рассказывал один из интербригадцев о всяких там художниках. Вот броское словечко-то и запомнилось...)

Кобуру с трофейным наганом Алексей перевесил на немецкий манер – на живот, так солдатам привычнее, меньше глаз цепляться за несуразности будет. Браунинг засунул сзади за ремень, под пиджак, убрав кобуру в вещмешок. Винтовку отыскал в траве свою – к ней было больше доверия. Патронов хватало, хотя долгий бой вести всё же не придется, скорее всего. Вот гранат не имелось – и это сильно печалило капитана.

Он никуда не спешил, и благодаря этому, подошел к деревне тогда, когда уже стало смеркаться. Ничего для этого придумывать не пришлось – лениво бредущее стадо послужило наилучшей иллюстрацией к задержке.

И поэтому, дежуривший у первых домов солдат, не задавая никаких вопросов (да и русского языка он, скорее всего, просто не знал), попросту махнул рукой, указывая направление, куда следовало отогнать живность.

Разумеется, Ракутин не стал ему возражать, ибо это вполне совпадало с его планами. Только вежливо поклонился, на всякий случай, сдернув с головы кепку.

Немец воспринял такие знаки уважения, как должное. Да и повязку на руке он уже разглядел – с его точки зрения, этого было вполне достаточно.

Целью путешествия являлся загон поблизости от противоположной окраины деревни. Так что Алексей, неторопливо шествуя вслед за коровами, мог детально изучить обстановку. А она была тут спокойной – фрицев здесь никто не напрягал, и вели они себя вполне раскованно. Никакого шума и гама слышно не было, солдаты неторопливо прохаживались по улице и неспешно беседовали. Многие даже оружия при себе не имели.

В центре деревни, около добротного дома обнаружилась стоянка автомашин. На ней находились грузовики и даже несколько танков, около которых копошились люди в комбине-

зонах. При виде стада, танкисты оживились. От них, вытирая на ходу руки ветошью, подошел пожилой немец и повелительным жестом приказал притормозить.

Спорить Алексей не стал и только кивнул в ответ.

Впрочем, фриц не задержал их надолго. Быстро осмотрев парочку коров, он удовлетворённо осклабился и, что-то сказав своим товарищам, махнул рукой – следуйте дальше. Освидетельствовал, стало быть, будущий обед... ну и на том тебе спасибо, родной.

Подогнав скотину к загону, Ракутин огляделся в поисках кого-либо, на чью шею можно было бы свалить новообетенную живность.

Никого... а нет, вон какой-то дедок поспешает! Резонно рассудив, что сей почтенный старикашка вполне может знать, если не по фамилиям, но в лицо-то уж точно четверых покойных белоповязочников, капитан только рукой деду помахал. И поправив винтовку, скрылся в проулке. Мало ли... а вдруг этот старикан не только глаза, но и голосист? На фиг...

Особо далеко идти не пришлось, по пути образовался покосившийся сарай. Однако – с крепкими дверями и замком, на них привешенным.

Раз есть замок – есть и что-то ценное. И без охраны?

Непорядок...

И около хранилища внезапно возник часовой.

Прохаживаясь взад-вперед, капитан только успевал почтительно приветствовать проходящих немцев. Факт его доблестного дежурства у важного объекта никаких особых эмоций ни у кого не вызывал. Положительных – хрен с ними, главное, что отрицательных не было. Ну, стоит часовой – стало быть, так и нужно.

Впрочем, немцы тоже не относились к полуночникам, и вскоре в деревне стало тихо. Ну, не совсем, конечно, кладбищенская тишина наступила, но все же...

А непродолжительная прогулка у сарая позволила заодно, выяснить систему охраны противника.

Пост на въезде Алексей видел.

Вполне логично предположить, что и на выезде таковой тоже присутствует. А помимо этого, ещё и патруль ходит – два немца с винтовками. Понаблюдав за ними, Ракутин уяснил – смена караула происходит каждые два часа. Сейчас десять, значит, следующая смена в двенадцать часов.

Подождём...

Педантичные фрицы оказались, заодно, и пунктуальными – ровно в двенадцать часов к выходу из деревни протопало трое фрицев. Ага, разводящий со сменой... хорошо! Пойдем и мы...

Прихватив из кучи камней обломок кирпича, Алексей на ходу примастырил к нему кусок веревки. Задумка, строго говоря, не из современных, так и дедов мешок с табаком – тоже ни разу не изобретение передовой военной науки. Но – работает же? Да ещё как! Вот и этот фокус (не раз, кстати, практически опробованный) не подведет и на этот раз.

Часовой на въезде стоит открыто, никуда не ховается. Будет ли и его коллега на выезде вести себя так же?

Трудно сказать, но уж к разводящему-то он всяко вылезет навстречу – там и проследим. Стоп!

Притормозил разводящий – не иначе, как часовой окликнул... так и есть!

Вот он где заныкался...

«Давайте, парни, побыстрее там, мне ж ещё назад идти нужно...» – нетерпеливо притопнул ногою капитан

Есть, прошла смена!

Ну, пока они подальше не уйдут, часовой ни в какую дыру не полезет – на месте стоять будет.

И смотреть станет – в сторону уходящих.

Отчего так?

А Бог весть... Алексей уже давно заметил эту интернациональную привычку всех часовых – провожать взглядом уходящую смену. Почему это происходит – он вопросами не задавался, просто запомнил. Авось, когда и на пользу пойдёт...

Вот и сейчас, пока немец провожал грустным взглядом уходящих товарищей, капитан осторожно пересёк открытое место (не контролируемое часовым в настоящий момент) и, оставшись незамеченным, юркнул в тень. Теперь до немца оставалось метров двадцать – и спешить было уже не нужно. И так никуда он уже не убежит...

Отчего, раскрученный на веревке камень, летит куда как точнее и сильнее своего собрата – но брошенного просто рукой?

Законы природы (точнее физики, как пояснила в свое время симпатичная учительница из соседней школы) – супротив них не попрешь! Надо только насобачиться такую тяжелую штуку кидать. И не просто кидать – так ещё и попадать! Что тоже, далеко не тривиальная задачка.

Впрочем, Ракутин всегда был усидчивым учеником. Не во всех, по правде сказать, дисциплинах... но в большинстве таковых! А уж в плане порезать-стукнуть-задавить-подорвать – вообще, одним из первейших!

Вот и на этот раз – ничего невероятного не произошло.

Раскрученный на веревке килограммовый кирпич смачно чавкнул, врубившись аккуратно под обрез каски.

Есть один!

С почином, так сказать...

Теперь путь отхода свободен, пару часов на эту тему можно более не волноваться.

У убитого часового отыскалась гранатная сумка – и в ней три немецкие гранаты-колотушки. Тоже очень ценное приобретение, жалко, что мало!

Очень уж хотелось Алексею отыскать того самого лейтенанта! И кое-какие соображения на этот счет имелись. Не будет офицер спать в одном помещении с солдатами – особенно, когда выбор есть. Да и в одном доме – тоже не станет. Соответственно, и помещение это будет малость получше прочих.

И где здесь таковое имеется?

Да у стоянки – немного в стороне, там небольшой такой домик имелся. Около него, когда капитан «свое» стадо прогонял, стоял пожилой фриц. И держал он в руках сапоги. Причем, не свои – те на ногах красовались, а ещё чьи-то. Чистил он их.

Стало быть, есть все основания предположить, что это был денщик того самого офицера. Или не того, но в данном случае – начхать. Есть в том домишке офицер – вот ему-то нынче и поплохеет... Уж всяко он будет в чинах, не ниже взводного, вот и ответит за своих подчиненных.

Не слишком таясь (но и не особо выпендриваясь), шел по улице полицейский. С повязкой и винтовкой. Мало ли какие распоряжения отдала ему нынешняя власть? Не прячется, значит, имеет право и обязан тут присутствовать.

А вот и домик...

Часового у крыльца не видно.

Двери, само собою, заперты. Что вполне ожидаемо и никакого сожаления не вызывает. Не полезем мы туда.

А куда?

Да есть там, в сенях, окошечко... небольшое, но человек, наверное, пролезть сможет.

Первый облом нарисовался, когда Ракутин, орудуя ножом, аккуратно выставил из окна стекло.

Окно оказалось слишком узким – он в него протиснуться не смог. И так пробовал и эдак... не выходило.

Стучать в дверь и будить денщика?

А если у немцев на этот счет какой-то пароль имеется? Денщику достаточно заорать – и вся операция насмарку.

Нет, не вариант...

Почесав обросший подбородок, Алексей осмотрелся.

А, если... авантюра же! Хотя, и не хуже прежней.

Добраться до стоянки было нетрудно – рядом всё. Осторожно осмотревшись, капитан удовлетворённо хмыкнул. Спят фрицы... и даже часовых у машин нет – зачем? Тихо тут повсюду. Было тихо...

Быстро нырнув в люк крайнего танка, Ракутин достал из вещмешка фонарик (покойному часовому принадлежал). Осмотр много времени не занял.

Легкий танк – Алексей его неплохо успел уже изучить. Даже и водить пробовал, хотя выходило это не очень.

А вот стрелять – это уже другая песня! Пушку он более-менее знал и мог зарядить-разрядить вполне успешно. Даже и навести. Вот попасть... ну, да снарядов можно не жалеть! Да и стрелять будем не с километровой дистанции – почти в упор.

Осмотревшись в башне, Ракутин проверил оружие. Автоматическая пушка двадцатимиллиметрового калибра – для дома хватит. Приготовив оружие к стрельбе, капитан полез вниз, на водительское место. Повозившись немного, перевел дух. Всё, можно ехать.

Вот тут по телу пробежала легкая дрожь. Стоит только завести двигатель – и обратного хода уже не будет, всполошившиеся немцы просто так это не оставят. Кто-нибудь из спящих танкистов уж точно вскочит и быстро сообразит, что все камрады рядом и танк завел кто-то посторонний. И завертится карусель...

Ну и что?! Знал же, на что идешь? Так не нуди!

Выдохнув, Ракутин врубил двигатель.

Вот, что ни говори, а механики из немцев первоклассные! Движок схватился сразу, словно этого только и ждал. И с места танк тронулся неожиданно легко.

Вот водитель из Алексея оказался хреновый – соседний грузовик от столкновения уберечь не удалось. Не Бог весть что, но задел его танк основательно – машину, аж в сторону повело. Правда, танк (ну, ведь танк всё-таки!) из подобной ситуации вывернулся легко, и, похоже, что ничего себе серьёзно не поломал. Отыскав на щитке тумблер, Алексей зажег фару – стало лучше видно. Хоть понятно куда едем...

Прокатившись по улице метров сто, Ракутин притормозил.

Теперь – в башню!

Вот он домик-то...

Первым снарядом он промазал – и тот улетел неведомо куда. А неча спешить... не подгоняет же никто! Второй лег уже удачнее – близким разрывом вынесло стекла в окнах. А вот третий и последующие...

С дома снесло крышу и вывернуло наружу всё содержимое. Уж кто бы там нынче ни ночевал, его пробуждение приятным теперь не назовешь...

Развернув башню, капитан выпалил остатки снарядов по стоянке – там тотчас же что-то рвануло. Вверх взметнулись языки огня.

Обрадовавшись этому, он перезарядил пушку – и добавил ещё. Заодно и в длинный дом, расположенный около стоянки, вкатил десяток снарядов. Вспомнилось, как туда немцы заходили, наверняка ведь и там кто-то из них ночует. Домик-то был явно не жилой, а значит, и

местного населения в нём быть не могло. Наверняка, в этом доме раньше располагалось правление или что-то подобное.

По этой же причине не переживал он и насчет расстрелянного дома с офицером – не стали бы фрицы оставлять там хозяев. Небось, в какой-нибудь сарай выселили...

Ну, разворошил муравейник...

А, может, и хватит уже?

Офицера – наверняка прихлопнул, шороху фрицам навел – дай боже! Пора уже и о собственной башке подумать, это, вроде бы, ничему не противоречит? Авось, ещё и унесем ноги-то?

Танк дернулся с места – и заглох.

«Хреновый из меня водитель!» – сплюнул Алексей.

Ещё попытка...

Уже лучше, по крайней мере, с места сдвинулся.

Снеся боком чей-то забор, танк рванулся вперед. Видимость была хреновой (хоть и разгоревшийся пожар немного подсвечивал), в лучах фары плясали дома и деревья. Подпрыгивая на брезентовом сидении, капитан дергал рычаги, пытаясь выровнять тяжелую машину. Вышло это плохо, танк все время куда-то норовил свернуть. И как только танкисты ухитряются их прямо вести?

Бух!

Что-то неслабо звездануло по башне – броня аж загудела.

«За что же это я зацепился?» – мелькнула в голове мысль.

Но тут снова загудела броня – на этот раз долбануло уже по борту.

Так это по мне стреляют!

Ноги-ноги! Точнее – гусеницы!

Выносите поскорее, а то, и бежать, возможно, уже станет некому...

Хлопнула входная дверь, и в помещение вошел лейтенант Райбен.

– Ну? – повернулся к нему гауптман Кронике. – Вернулись ваши солдаты?

– Так точно, герр гауптман, вернулись. Я тщательно опросил фельдфебеля Хорна, ваши предположения подтвердились полностью.

– Хм! – Кронике откинулся на спинку стула и осторожно потрогал забинтованную голову. – Так я и предполагал!

– Но позвольте, герр гауптман! Может быть, вы будете так любезны, что поясните нам... – сидевший у окна лейтенант Рейнгольд вопросительно посмотрел на фельджандарма. – Откровенно говоря, мне вся эта история кажется совершенно непонятной...

– Не только вам, Макс! – кивнул вошедший только что офицер. – Теперь придется докладывать наверх, отвлекать от дела солдат, чтобы найти этих бандитов...

– И что же, по-вашему, я должен буду написать в своем рапорте? То, что напишете вы, мне уже понятно, но с этим пусть разбирается ваше командование. А мне подавать рапорт несколько в другую инстанцию, и оценят его там... словом, по-всякому выйти может... – с интересом посмотрел на взводного гауптман.

– Ну... на деревню было совершено нападение диверсионной группой противника...

– Какой численности?

– По моим прикидкам, герр гауптман, их было не менее десяти человек.

– Угу! И рота вермахта, поддержанная танковым взводом, ведя огонь из всех стволов, не сумела подстрелить ни одного человека из числа нападавших? Великолепно! И каковы же у нас потери?

– Убито шестеро солдат и один унтер-офицер. Ранены и отправлены в госпиталь командир роты и семеро солдат. Сгорел грузовик и легковой автомобиль.

– Ну, а один танк вы расстреляли сами... кстати, а где наши доблестные панцерваффе? В смысле – их командир?

– Должен уже прибыть... а, вот и он!

Снова стукнула дверь и в комнату вошел обер-лейтенант – танкист.

– Присаживайтесь, Вилли! – кивнул на свободный стул фельджандарм. – Что скажете?

– Тот, кто угнал танк, герр гауптман, был достаточно сведущим в этом деле человеком...

– Минутку, Вилли! Там ведь был и часовой... или я что-то путаю?

– Был... – нехотя кивнул танкист. – Как раз механик этого самого танка. Отошел отлить...

и вот...

– М-м-да... ну, тут я ничего поделат не могу...

– Обидно! Старина Шоберт опытный механик... и теперь – штрафная рота!

– Это, в лучшем случае... – скорбно сжал губы Кронике. – Впрочем, я посмотрю, что можно будет сделать. Однако, я вас прервал, так что прошу – продолжайте!

– Разумеется! Так вот, осматривавшие танк механики в один голос заявили, что танк заводил человек знающий. Он грамотно и последовательно выполнил все положенные операции – открыл бензопровод, подключил массу... словом, действовал, как опытный водитель, хорошо знающий танк.

– Простите, а ключи зажигания он где взял? – прищурился гауптман.

– Ключ, герр гауптман. В танке и взял – механик оставил его в замке. Утром предстоял выход – в шесть часов, вот он и прогревал поочередно моторы всех танков.

– Хм-м... штрафная рота, вы говорите? Боюсь, что даже этого мне будет трудно для него добиться... А относительно прочих действий, вы что можете сказать?

– Стрелял он... в общем, неважно стрелял. А уж как вел танк – это вообще отдельный разговор. Заводить мотор, он, возможно, и научился, а вот водить и стрелять... бить из двадцатимиллиметровки по бревенчатому дому – глупость! Он даже стену не пробил! Впрочем, вы и сами это знаете... К сожалению, солдаты по тревоге бросились во двор и столпились в коридоре. Этому негодяю просто повезло – один-единственный снаряд рванул прямо в дверном проеме! И надо же было им оказаться именно там!

– Да уж! – усмехнулся Кронике. – Ну что ж, майне геррен, я готов изложить вам свою версию произошедшего. Вы готовы?

Офицеры дружно закивали и пододвинулись поближе.

Гауптман откашлялся, пододвинул к себе стоявшую на столе крынку с молоком и налил полный стакан. Отхлебнул, поставил стакан на стол и вытер платком губы.

– Как вы, должно быть, хорошо помните, майне геррен, вчера рано утром патрулем из числа солдат вашей роты был задержан местный житель, который занимался поиском медикаментов в местах недавних боев.

– Разумеется, герр гауптман, – кивнул лейтенант Райбен. – Это были как раз солдаты моего взвода.

– Насколько я помню, герр лейтенант, некоторую помощь вам тогда оказал один из здешних добровольных помощников?

– Совершенно верно, герр гауптман, – кивнул офицер. – Впоследствии он и его сотоварищи отправились на хутор, где проживал этот местный житель. Правда, в этом случае они сопровождали уже не моих солдат, а взвод лейтенанта Рейнгольда.

– А этот местный житель, он что – был один?

– Нет, герр гауптман, с ним был еще один человек. Судя по описанию, кто-то из большевистских солдат. Но он успел скрыться в какой-то яме, и его не смогли поймать.

– Так-так, – покачал головой фельджандарм. – Все складывается. Так вот, друзья мои, когда солдаты лейтенанта Рейнгольда прибыли на хутор к этому самому местному жителю, они обнаружили там некоторое количество раненых бойцов противника. И если мне не изменяет

память, наш доблестный лейтенант не стал утруждать себя излишними размышлениями на эту тему, а попросту сжег их всех вместе с семьей задержанного местного жителя.

– И что в этом необыкновенного, герр гауптман? – удивился означенный лейтенант. – Может быть, вы не в курсе, но примерно в этом духе высказывался наш командир полка. Как мы все поняли из его слов, в общении с этими дикарями обычные нормы человеческих взаимоотношений неприменимы. Иными словами, какой был смысл таскать туда-сюда этих полумертвецов? Тем более что они оказали вооруженное сопротивление и ранили одного из моих бойцов.

Фельджандарм развел руками.

– Бог с вами, мой друг! Неужто вы решили, что я вас осуждаю? Право слово, у меня и в мыслях не было ничего подобного. Я всего лишь воссоздаю картину происшедших событий. Или что-то передано мною неверно?

– Нет, герр гауптман, – успокоился лейтенант, – вы абсолютно правильно все излагаете.

– Благодарю вас, мой друг. Итак, с вашего позволения, продолжу. Вы сразу покинули хутор или оставались там еще какое-то время?

– Практически сразу, герр гауптман. Обыскали хозяйственные постройки. Кстати, в одной из них оказался русский станковый пулемет. После чего выехали в расположение части.

– Простите, лейтенант, а эти ваши местные помощники – они уехали вместе с вами?

– Нет, герр гауптман. На хуторе оставалось некоторое количество скота, и я распорядился отогнать его сюда. Насколько я в курсе, это приказание было ими выполнено. Еще вчера это стадо было доставлено в деревню и в настоящий момент находится в загоне.

– То есть, – приподнял палец Кронике, – ваше приказание было исполнено ими в полном объеме. Я правильно вас понимаю?

– Совершенно верно, в полном объеме.

– Простите, а сколько их было, этих помощников?

– Четверо, герр гауптман.

– Угу, – фельджандарм покачался на стуле. – А как вы тогда объясните тот факт, что сегодня утром мои солдаты обнаружили на этом самом хуторе тела четверых, как вы говорите, помощников? Судя по состоянию тел, их убили еще вчера. Кто же тогда пригнал в деревню скот?

Офицеры переглянулись, а гауптман, не давая им времени на осмысливание своих слов, продолжил.

– Часовой у въезда в деревню подтвердил, что скотину сопровождал человек в гражданской одежде. С винтовкой и белой повязкой. То есть, внешне он выглядел точно так же, как и эти ваши помощники. Более того, старший дежурного патруля сообщил, что вчера видел этого, либо другого похожего человека, стоящим на посту около одной из хозяйственных построек. Мне сразу показалось несколько странным это сообщение, ибо никакие посты в деревне не могут быть выставлены без распоряжения старшего офицера гарнизона. А поскольку я все время находился рядом с вашим командиром, то, безусловно, был бы в курсе таковых распоряжений. И еще, господа, – гауптман сунул руку в карман и вытащил оттуда скомканную белую повязку. – Вам это знакомо?

– Такие повязки носили эти самые помощники, – подал голос лейтенант Райбен.

– Вам интересно знать, где я ее нашел? – фельджандарм вопросительно посмотрел на собеседников и, не дожидаясь ответа, продолжил. – В танке, майне геррен! Она зацепилась за один из рычагов. По-видимому, ее хозяин, в спешке выскакивая из танка, зацепился ей за рычаг. Сразу же после этого я послал солдат, чтобы они отыскиали мне всех, кто мог носить такую повязку. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что никто из четверых местных жителей, имевших честь числиться вашими помощниками, до сих пор не вернулся с выезда, куда они отправились вместе с подразделением лейтенанта Рейнгольда. Посланный

на хутор патруль обнаружил тела всех четверых. А вот повязок у них оказалось всего три. И отсутствовала часть одежды.

– То есть, вы хотите сказать, герр гауптман, что кто-то убил этих четверых, переделся в их одежду и пригнал вместо них скот? – приподнялся с места Рейнгольд.

– Вы совершенно правы, мой друг. Именно это я и хотел сказать. Я предполагаю, что это был тот самый человек, который скрылся от преследования утром. Он тоже пришел к хутору, видел все происходящее там и сделал из этого свои выводы. Этот же человек напал на ваших союзников из числа местного населения, убил их и переделся в захваченную одежду. После чего, подгоняя коров, абсолютно беспрепятственно вошел в деревню, и часовой его не остановил, так как ждал прихода людей, сопровождающих стадо. После чего этот неизвестный убрал часового на противоположном конце деревни, обеспечив себе беспрепятственное отступление. Обманув дежурного механика, ухитрился завести танк и подъехал на нем прямо к дому, где квартировал ваш командир. Можете представить себе мое изумление, когда, услышав лязг гусениц, я подошел к окну и увидел танк, наводящий пушку прямо на наше окно! Слава всевышнему, что он оказался плохим стрелком! Хотя, бедняге Ойгену не слишком повезло. Второй из разорвавшихся снарядов выбил стекла в доме, и гауптману досталось гораздо больше, чем мне. Ему буквально в кровь разодрало все лицо битыми стеклами. Хорошо, что мы оба успели выскочить во двор, прежде чем следующий снаряд взорвался уже внутри дома. Ну, а дальнейшее вы знаете не хуже меня. Удирающий танк вы расстреляли сами, неизвестного стрелка ухитрились упустить. И что я теперь должен докладывать своему руководству?! Что в нашем тылу безнаказанно орудуют диверсанты красных? Которые только и ждут выгодного момента, чтобы устроить нам очередную пакость. Заметьте, майне геррен, это не новобранцы, призванные в армию только что! Этот неизвестный очень грамотно все рассчитал. Более того, судя по словам представителей наших доблестных панцерваффе, он и танк завел исключительно аккуратно, не пропустив ни одной операции. И вы хотите сказать, что это по силам вчерашнему крестьянину? Я так не думаю.

Собравшиеся офицеры молчали. Спустя некоторое время, первым подал голос танкист.

– И где же нам теперь его искать? Прикажете прочесать все окрестные кусты и овраги?

– Зачем? Он никуда не уходил. Я абсолютно уверен в том, что этот самый диверсант преспокойно отлеживается где-нибудь на чердаке. Дождется темноты и спокойно уйдет. Ведь, насколько я понимаю, все поисковые мероприятия, начатые вами утром, закончатся с наступлением темноты. Этого он и ждет...

Ракутин снова прислушался к уличному шуму. Похоже, что немцы, всерьез раздосадованные ночным переполохом, озлобились по-настоящему и взялись переворачивать деревню вверх дном. Во всяком случае, дом слева они потрошат уже во второй раз. Интересно, что они хотят там найти?

Хорошо, что у них тут нет служебных собак – вот это было бы совсем хреново!

Мимо убежища капитана разозленные фрицы носились почти не переставая – аж пыль стояла столбом. Он всерьез опасался чихнуть – спалился бы на раз-два. Пришлось намочить водю носовой платок и дышать через него. Некомфортно вышло, так что ж поделать? Война, брат... терпи.

Хотелось есть, но Алексей не торопился. Запасов и так-то было не слишком много, так ведь после еды и обратный процесс не замедлит последовать. А раз так – вылезать наружу будет просто необходимо – тут-то и наступит ему полный и окончательный карачун. Обождем пока...

Из разговоров проходящих фрицев удалось уяснить – своей цели он не достиг. Удалось лишь ранить командира роты, да какого-то залетного гауптмана. А собака лейтенант – уцелел, он в том доме вообще не ночевал, оказывается. Некоторым утешением послужило то, что раненых в ночном бою отправили в госпиталь на грузовике – иначе не хватало места. Это сколько

же их оказалось-то? Ну. Раз ранено столько, то, хотелось бы верить, что и убитые тоже имеют место. Хотя бы парочка, да плюс часовой... и танк ещё до кучи – неслабо так получается!

Убегая от танка, Ракутин видел, как в его кормовую часть влетела парочка снарядов – зрелище было впечатляющее... Движку теперь точно копец, да и башню своротили набок. Дешевле будет новый танк построить! Учитывая результаты предыдущих попаданий... Ох, кто-то у немцев сегодня огребёт... полуведерная скипидарная клизма своего пациента точно отыщет.

Но время шло, а суматоха не улеглась, немцы стали действовать явно не впопыхах, а по какому-то плану – кто-то опытный, умело наводил порядок. А вот это сильно Алексею не понравилось. Немцы вояки знатные, мужики у них есть очень даже неглупые, и понять очевидные вещи вполне смогут. Запросто просекут, что бежать неведомо куда перед рассветом – попытка абсолютно идиотская. В траве – найдут по следам. На ровном месте – просто заметят издали. И в том и в другом случае, веселья маловато! Догонят – хоть тем же броневиком, и все, приплыл. Так что, если фрицы завтра не двинут на поиски в поля, дело приобретает совсем хреновый оборот.

То есть, в этом случае они начнут вдумчиво и обстоятельно чесать деревню. Всю.

С чердаков и до погребов.

Не пропуская ни одного дома и ни одной щелочки.

И вот в этом раскладе ловить тут нечего – вычислят убежище и прихлопнут.

Поерзав в узкой щели, Алексей расправил затекшие плечи. Как ни повернись – а вечера ждать надо. Ладно, пока суд да дело, прикинем – что мы имеем?

Имеем некоторый запас продовольствия – на пару-тройку дней. Даже больше, у покойного часового в сумке банка консервов была, галеты, ещё кое-что – денек с этим прожить тоже можно.

Початая фляга с водой – меньше половины уже.

Есть три гранаты – вещь нужнейшая!

Патроны к винтовке – саму её Ракутин сунул под поленницу дров, пролезть с ней в узкое пространство убежища – вещь нереальная даже в теории.

Пистолет и патроны к нему.

Нож.

Все прочее можно в расчет не принимать, для выживания здесь и сейчас пользы немного.

Плохо, что обзора отсюда нет никакого, совсем хреново, только на слух и приходится полагаться. Зато и искать тут будут в самую последнюю очередь.

Где это – тут?

Да все просто...

Ещё пытаясь вырваться из деревни на танке, Ракутин наподдал гусеницей забор одного из домов. Забор, ясное дело, такого не выдержал и сложился. Заодно и лежавшему около забора штабелю бревен досталось – бревна покатались. И все это образовало весьма неприглядную кучу-малу. Часть кучи накрыла собою и придорожную канаву. Ну, даже и не канаву, собственно говоря, а скорее, канавку такую небольшую, мелкую и извилистую. Надо думать, её попросту водою проточило.

Вот туда капитан и нырнул.

Выпрыгивая из подбитого танка, он быстро прикинул свои шансы по-тихому слиться из деревни. Их было весьма и весьма немного, можно сказать, почти совсем не имелось. Бежать туда, где валялся снятый часовой?

В принципе, можно, только вот выйдет ли? Как далеко можно успеть удрать до рассвета? Учитывая, что вокруг не густой лес и укрытий не так уж и много? А немцы, раз уж ночью

спросонья так быстро сорганизовались, долго запрягать не станут и здесь. Да и не факт, что этот путь уже не перекрыт.

Остаться в деревне?

При всей кажущейся бредовости такой идеи, шанс имелся – и немалый. Предположить, что нашумевший диверсант (или диверсанты) станут прятаться именно тут, в деревне, набитой вражескими войсками, можно было лишь спяну. Или при очень тщательном размышлении. Да и должен такой размышляющий быть в чинах немалых, чтобы его стали слушать. А откуда здесь таковому взяться?

И поэтому, капитан не побежал в спасительную темноту, а пригибаясь к земле, скользнул назад – навстречу своим преследователям. Первоначальная задумка состояла в том, чтобы залезть куда-нибудь на чердак дома или в какой-нибудь сарай – не станут же фрицы сразу переворачивать всю деревню? А уж если выйдет проникнуть в дом, немцами же и занятый, так и вовсе можно не волноваться на эту тему.

Однако, натолкнувшись на раскатившийся штабель, Алексей изменил свое решение. Тем более что и в ямку эту самую, он провалился, едва натолкнувшись на бревна. Присев на корточки, в отраженном свете фар догоняющих танков, он успел разглядеть, что расстояние между раскатившимися бревнами и дном ямки было совсем небольшим – сантиметров двадцать-тридцать. И если выйдет туда заползти... а, потом и какое-нибудь небольшое бревнышко за собою затащить... то и смотреть сюда никто не станет. Слишком уж очевидно все станет выглядеть – рухнул штабель, и бревна завалили ямку. Нет тут никого – да и быть не может! Ощупав бревна, Ракутин убедился – лежат давно, нижние даже малость подгнили. То есть, эти деревянные не трогали уже прилично времени, маловероятно, что вдруг кому-то потребуется это сделать именно завтра-послезавтра. Сейчас тепло и пилить бревна на дрова никто не станет, нет в этом никакой необходимости. А значит, и разбирать рухнувший штабель никому нет особой нужды. Да и вообще, бревна это – стройматериал. Но вот, чтобы именно сейчас кому-то вдруг приспичило что-то тут строить – весьма сомнительно...

Начальник штаба полка – майор фон Засс прибыл в деревню ближе к вечеру. Подтянутый и сухопарый, он воочию являл собой образец истинного прусского офицера. Даже пресловутый монокль у него присутствовал, хоть он им и не пользовался. Сухо поздоровавшись с фельдждан-дармом, и осмотрев выстроившихся солдат, он выслушал рапорт исполняющего обязанности командира роты. Помолчал, стиснув узкие губы и всем своим видом выражая неудовольствие. Столь явная негативная реакция командования весьма расстроила офицеров роты, и только гауптман Кронике сделал вид, будто ничего особенного не произошло.

Коротко кивнув в ответ на рапорт, майор разрешил распустить солдат и направился к штабу, сделав знак офицерам следовать за собой. Следом за ними направился и фельдждан-дарм. Фон Засс только покосился в его сторону, но ничего не сказал – данная служба ему никак не подчинялась. Формально, гауптман должен был испросить разрешения присутствовать на совещании (в чем майор мог ему и отказать), но начальник штаба не хотел осложнять и без того трудную ситуацию. Кто его знает этого деятеля... вполне ведь может такой рапорт написать, что и самому командиру полка не поздоровится. С этих типов станется!

Так что совещание началось в присутствии незапланированного гостя.

Кратко и энергично майор передал офицерам мнение командира полка обо всем происшедшем. Недвусмысленно намекнул на то, что ожидать вожаемого повышения никому из них не следует. В ближайшее время – так совершенно точно. Новый командир роты уже назначен и в самое короткое время прибудет в распоряжение части. Полюбовавшись кислыми физиономиями присутствующих, фон Засс разрешил им быть свободными.

Остался лишь фельджандарм. Он, встав вместе со всеми по окончании совещания (которое, в общем-то трудно было таковым назвать – говорил один лишь майор), не вышел наружу, а остался стоять около двери. Что, разумеется, не ускользнуло от внимания начальника штаба.

– У вас есть какие-то вопросы ко мне лично, герр гауптман?

– Есть, герр майор. Вы позволите присесть?

– Прошу! – указал на стул фон Засс, демонстративно посмотрев на часы.

Кронике только вздохнул, заметив этот показной жест. Но сделал вид, что к нему это никак не относится.

– Я вас слушаю, гауптман!

– Видите ли, герр майор, я, разумеется, ни в коей мере не ставлю под сомнение решения вышестоящего командования...

Майор только усмехнулся, хотя и еле заметно.

– ...но хотел бы спросить у вас, относительно моей просьбы.

– Простите, гауптман, но я совершенно не в курсе таковой.

– До вас не довели? Прошу меня простить, герр майор, но это касается использования расквартированных здесь солдат для поимки...

– Ах, вы про это? Вынужден вас разочаровать, гауптман, но командир полка на это ответил, что у его солдат есть и иные, прямо предписанные им обязанности. Ловить кого бы то ни было – обязанность вашего ведомства!

Майор никогда фельджандармерию не любил, и ему доставляло удовольствие лишний раз поставить на место её представителя. Откровенно говоря, таковых случаев за всю свою карьеру он и не припоминал вовсе. И никто другой ему о подобных вещах не рассказывал. Тем приятнее было это делать.

– Я уже сообщил об этом и в ближайшее время ожидаю здесь взвод лейтенанта Фангеля. В настоящее время все мои силы ограничены водителем и двумя солдатами. Вы предлагаете мне осуществить всю работу втроем?

– Увы, гауптман, я всего лишь передаю вам указание своего командира... – фон Засс все же не хотел открытой конфронтации. Уколоть заносчивого фельджандарма и поставить его на место – одно, а открыто конфликтовать... – Да и вообще – какие тут сложности? Собрать местное население, взять заложников – и они сами выдадут этих смутьянов!

Гауптман с интересом посмотрел на начальника штаба.

– Вы говорите правильные вещи, герр майор! Имели опыт?

– В Польше... – нехотя признался тот. – Там тоже... иногда случались такие инциденты.

– И рад бы последовать вашему совету, герр майор... – развел руками Кронике. – Но человек, убивший четырех местных жителей, навряд ли станет пользоваться помощью их родственников. Деревня не очень большая, и тут все друг другу являются родней. В какой-то мере, разумеется. Увы, но данный вариант здесь неприменим.

– Сожалею, гауптман, – уже мягче сказал начальник штаба, – но полученный мною приказ...

– Да я понимаю! – кивнул Кронике. – Меня сюда тоже случайно занесло – испортился двигатель, и пришлось отбуксировать машину к танкистам – те обещали починить. А бывший командир роты любезно предложил мне свое гостеприимство. Машину обещали починить к вечеру – и это очень кстати! Ибо мне нужно спешить, полковник Вайнкнехт ждет меня с докладом.

– Начальник командного пункта «Юг»?

– Он самый – полковник генерального штаба Вайнкнехт. Я должен буду как-то пояснить ему свою задержку... Впрочем, герр майор, не смею больше отвлекать ваше внимание! – Кронике поднялся со стула.

– Обождите, гауптман... – фон Засс лихорадочно искал выход из создавшейся ситуации. Черт возьми, этот офицер будет докладывать высокому руководству! Лично! И один господь только ведаёт, что именно он там наговорит...

К вечеру немцы успокоились, и всякое хождение по деревне прекратилось. Перестали лязгать железяками и танкисты. Перед тем, как совсем стемнело, там, где стоял подбитый танк, взревели моторы, и что-то загромыхало – поволокли болезного...

И стало относительно тихо.

Ракутин полежал ещё около получаса, внимательно вслушиваясь в окружающую обстановку. Протопали мимо сапоги – патруль. О чем говорили солдаты, слышно не было – далеко-далеко всё-таки до дороги, да и переговаривались они вполголоса.

Надо уходить...

Шуровать здесь, в деревне, слишком уж рискованно, фрицы теперь будут вполглаза спать, и повторить фокус с угоном техники не выйдет. Да и ни к чему это. Хотя и не вышло выполнить основную задачу, однако ж соли на хвост фрицам удалось насыпать изрядно. Да и по большому дому с десятков снарядов высадил, не может быть, чтобы и там кого-нибудь да не прихлопнуло.

Но главная причина была всё же не в этом – Алексей до сих пор помнил горящий сарай на хуторе. А ведь здесь и людей побольше будет...

Нет, нечего тут делать!

Из-под рассыпавшегося штабеля он выбирался осторожно, поминутно замирая на месте и прислушиваясь. Поэтому топот сапог слышал загодя и притаился за тем же самым штабелем. Правда, винтовку из ухоронки вытащить всё же успел.

Снова патруль.

Тот же самый – или уже другой? Могли же немцы пустить дополнительные патрули?

Запросто.

Стало быть, надо себя вести тихо и подозрений у патрульных не вызывать. А заодно – повторить и вчерашний фокус. Двигаться за патрулем, ожидая, когда его окликнет часовой. Так и выясним, где они у фрицев стоят.

Часовых стало больше – пост теперь был парным. Пока один фриц окликал подходивший патруль, второй, усевшись за плетнем, этот диалог контролировал и оружие держал наготове.

Обменявшись паролями, немцы разошлись. Собственно говоря, ушел только патруль, постовые же остались на месте. В отличие от вчерашней ночи, теперь они на открытом месте не торчали – облюбовали небольшой сарайчик, куда и попрятались. Не самая плохая позиция, надо отдать им должное. Обзор на дорогу у них оттуда вполне нормальный – в стенах полно щелей, сарай, судя по своему состоянию, давно уже заброшен. Так что щели эти позволяют не только смотреть, но даже и стрелять сквозь них. И сидят они там – как в танке! Ибо второй фриц, вылезший наружу при приближении патруля, снова забрался в укрытие, как только они ушли. А вот тихо влезть в сарай – уже фиг, не выйдет!

Можно, в принципе, сунуть в щель гранату... да будет ли толк? Прихлопнет там обоих фрицев или нет, ещё неизвестно, но вся деревня на уши встанет одновременно. И такая пойдет кутерьма...

Так что мимо поста Ракутин прополз тихо, стараясь лишний раз не брякнуть чем-нибудь. Да и дальше ползком двигался ещё метров сто. И только отойдя настолько далеко, что никакой фриц (даже и с совиным зрением) его гарантированно разглядеть уже не смог бы, капитан, наконец, встал на ноги.

Всё – топаем к хутору.

Там осталась форма. Алексей и помыслить не мог о том, чтобы идти дальше в гражданской одежде. Переодеться для проведения диверсии – пожалуйста, но вот воевать он обязан в своей форме! Иначе фрицы скоро начнут палить по всем встречным гражданским без разбора.

Сейчас ночь и немцы не станут соваться в темноту, идти можно относительно спокойно, некому мешать...

– И вы полагаете, гауптман, что ваш план сработает? – фон Засс неприязненно покосился в сторону окна.

– Не вижу причин, герр майор, почему этого не произойдёт, – пожал плечами Кронике. – Я учел и тот вариант, что у него могут быть сообщники среди местных. Ведь первоначально он пришел сюда конкретно за лейтенантом Рейнгольдом. Русский попросту не мог знать, что тот ночует в другом доме.

– А сейчас? Знает?

– Среди местного населения пущен слух, что лейтенант назначен командиром роты – вместо бедняги Герберта. И занял новый дом. Вокруг которого скрытно расположилось более полутора десятков солдат. Русский даже не сможет подойти к дому близко – все просматривается и простреливается.

– Это в том случае, если он всё ещё здесь! – поднял указательный палец майор. – А если он попросту сбежал?

– И на этот счет я тоже озаботился, герр майор. Русского ждут пренеприятнейшие сюрпризы!

Ну вот, деревня позади, можно и передохнуть. И перекусить, хоть чуток.

Но передохнуть – в первую очередь, ползание по-пластунски отняло немало сил. К тому же, лежа под рассыпавшимися бревнами, капитан и глаза не прикрыл – не до того было. Так что и поспать... оно тоже невредно.

Но вот просто подремать – не вышло, проснулся Алексей от того, что солнечный луч недвусмысленно пощекотал его небритую морду.

Вот так ни фига ж себе – подремал! Добрых часов пять! Бардак, товарищ капитан! Хреновый пример подаете!

Поднявшись на ноги, он по привычке потянулся оправить форму. Ну да, пиджак, да ещё и с чужого плеча... мало похож на привычную гимнастерку.

Чертыхнувшись вполголоса, он допил остатки воды из фляги и прикончил трофейную банку с рыбными консервами. Ну вот, и повеселел сразу, пора в дорогу.

К хутору он вышел с другой стороны – не с той, с которой уходил. Почему?

Да вот следы на дороге... их в прошлый раз было явно меньше. Кто тут катался? Немцы – грузовик и бронетранспортер, да телега с прихвостнями. Туда – и обратно. А после ещё и стадо прошло. Никаких четко выраженных следов быть не должно – это после стада-то?

А они – имелись.

И судя по следам, в хутор и назад проехало, как минимум, две машины. За каким, простите, рожном их туда понесло?

Ладно, допустим, что они разок туда скатались после суматохи, когда хватились прихвостней. Но не на двух же машинах? Чего там делать такой толпой?

Тогда ещё веселее выходит – зачем они второй раз приперлись?

Ракутин этого не понимал и оттого ему это сильно не нравилось. Вот и заложил здоровенный крюк, обходя хутор сбоку. Плюнуть бы на него – но на подворье запрятаны форма и документы. Оставлять это капитан не хотел категорически! Ладно, фрицы тоже не враз все

найдут (если, вообще найдут), но в каком виде он будет фронт переходить? В чужой одежке? Здравствуйте, товарищи особисты? Нет уж...

На первый взгляд, хутор казался покинутым. Полностью и абсолютно.

Одна деталь – в доме открыты окна. Ну да, там четыре мертвяка лежат. Небось, немцы, когда его осматривали, окна и пооткрывали – запашок...

Нет.

Не могло там тогда ещё никакого запаха быть, всего-то ночь прошла. Не успели покойнички ещё завонять.

Тогда – не могло.

А сейчас?

А вот сейчас – там крайне неудобно.

Но ведь немцы могли их и повытаскивать? Могли. Только, зачем?

Хоронить?

Прислали бы родню этих негодяев. Те сами бы всё сделали. И тела бы вытащили и увезли...

Но не прислали – нет на дороге следов. Ни телега не проезжала, ни пешком никто не проходил.

Что, все четверо были бобылями-одиночками? Ни родных, ни близких не имели?

Все четверо?

Ну-ну...

Нечисто тут что-то выходит.

То, что в доме может быть засада, капитан не сомневался. Но, зная немецкую обстоятельность, не сомневался и в том, что они все организуют правильно.

А, значит, есть ещё один пост. Может быть – даже и третий.

Прикрытие.

На тот невероятный случай, что на хутор пожалует не одиночка-диверсант, а целая толпа.

Не станут фрицы рисковать, пряча всех солдат в дом. Парочка гранат – и хорош...

А погреб?

И толку с него?

Ни обзора, ни укрытия – ловушка.

В сторонке должен быть пост. Так, чтобы видимость была и обстрел хороший. И сидит там не один-единственный солдат. Пара-тройка – это и к бабке не ходи.

Удаление?

Не более полутора метров, иначе видимость будет уже не та.

Лежа в кустах, Алексей жевал травинку, прикидывая возможное месторасположение секретов.

Прямо от домов немцы не пойдут. Один человек – ещё туда-сюда, а вот двое-трое уже след оставят. Стало быть, сделают крюк. Отойдут по дороге и свернут. И пройдут кругом.

В таком разе, этот факт уже благополучно прохлопан – следов схода с дороги капитан не заметил. Возвращаться и искать?

Сомнительно. Можно ничего и не найти.

Это пограничнику-то, опытному следопыту?

Опять же – не факт.

Там тоже могут быть не лопухи.

Так, этот вариант поиска отпадает. Хорошо, зайдём с другой стороны. Что должен видеть этот секрет? Иными словами – с какой стороны они сядут?

Дорога просматривается из окон дома.

Погреб – с крыльца или из сеней.

Двор из окон тоже почти весь виден.

А что не просматривается?

Только один участок – тот, откуда в первый раз и подползал Ракутин, с той стороны в доме нет ни одного окна, глухая стена.

Так, с направлением определились. Там, кстати говоря, могли и следы мои сохраниться... хорошо это или плохо? Найдут ли их эти фрицы?

Найдут, надо думать, не надо их дураками считать.

Ладно, на эту тему ещё поразмыслим...

А вот где этот секрет сидит?

Вон те кустики им обзор с фланга перекроют, и вот этот пригорочек – тоже совсем не к месту вылез. Не лягут они там.

А вот этот язычок, что из кустов выдался – очень даже... Алексей в свое время туда не полез – прогал в тех кустиках имелся, перебегать через него несподручно было, а переползать – сыро, где-то там ручеек протекал, вот и пропиталась земля водой. Но у немцев такой проблемы нет, прятаться им тут не от кого, спокойно и в рост пройдут. И даже более того – не станут они особо назад смотреть, ибо неудобно с того направления подползать. А в рост никто не пойдет – срисуют на раз-два.

Ну, раз никто не пойдёт – и мы не пойдём.

А поползём.

Фиг с ним, с пиджаком (всё равно чужой), пусть промокает. С другой стороны – никто меня не заметит, а это стоит промокшей одежды. Мокрые брюки – тоже ерунда, по сравнению с целостью того, на что эти брюки надеты. Правильно в свое время Мамсуров говорил – «Грязный, но целый!». Вот и последуем совету умного человека, тем более что не раз уже подобные прописные истины в деле проверены.

Нормальный человек в грязюку (и в воду) лезет неохотно, всегда стороной обойти старается. Вот и немцы (если они в кустиках тех сидят) точно так же, надо полагать, и думали. Прошли сторонкой, по сухому месту, благо оно там есть. И точно такими же разумными людьми полагают своих возможных оппонентов. Если можно идти посуху – человек там и пойдёт. Тем паче, что никаких видимых причин поступить по-другому – нет.

Ну, это опять же – у кого-то не имеется, а у кого-то таковые очень даже присутствуют. У Ракутина – имелось множество доводов именно в пользу ползания по мокрому месту. Впрочем, хватало и одного – желания сберечь собственную голову.

Рукава и штанины промокли почти тотчас – вода тут текла хоть и несильной струйкой, однако же, вполне для промокания достаточной. Ну, а после – пропиталось водой уже все остальное...

Однако, в кусты Алексей вполз практически бесшумно – намокшая одежда плотно прилипала к телу и не так сильно шуршала об траву и ветки.

Добравшись до цели, капитан перевел дух.

Так, одну задачу выполнили. Теперь надо о прочем подумать.

Чуть-чуть приподнявшись над землей, он прислушался.

А надо было – принюхиваться!

Ибо слух ничего не подсказал, зато нос – тот учуял какие-то посторонние для леса запахи. Что же это за запашок такой?

Да сапоги так пахнут! Когда их тщательно, и со знанием дела, начистят.

А откуда тут сапоги?

С хозяином пришли, надо полагать – не с неба же свалились?

Запашок у нас слева – оттуда ветерок легкий тянет. Всё правильно – там как раз земля чуток и приподнимается, обзор лучше.

Стало быть, возьмём еще левее, в спину зайдём.

Немцев оказалось трое.

Да не просто так они здесь устроились, а со станкачом.

Грамотно оборудовали позицию, веточки лишние, надо думать, аккуратно повыщипывали.

Всё, как и положено.

Первый номер у пулемета, как ему и полагается, второй слева прилег – готов ленту подать, если нужно будет. Обстоятельно устроились пулеметчики, даже плащ-палатку на землю подстелили. Да не просто так, а натолкали под неё чего-то, вон, как она вздулась-то местами... А третий примостился чуток в сторонке – он и прикрытие, и подносчик боезапаса. Рядом с ним в траве торчат две железные коробки с лентами.

Бдит солдат, четко полученный приказ исполняет.

А вот пулеметчики – те малость расслабились, второй номер и вовсе задремал.

Итак, что мы имеем?

Станкач – оружие серьёзное, но вот развернуть его назад пулеметчики быстро не смогут, а, стало быть, и толку от него немного сейчас. У первого номера руки пулеметом заняты, стало быть, пока он до кобуры долезет, пять раз его заколоть можно. Пистолет у второго номера в кобуре, а она, как это и положено в вермахте, на брюхе слева, а фашист-то лежит... на этом самом брюхе. Быстро оружие в таком положении ему не выдернуть. Хотя, кто его знает, немца этого, может быть он из проворных, надо и данную возможность учесть. Только, для этого ему проснуться надо, да сообразить что к чему, а на это тоже время требуется.

А вот третий член пулеметного расчета – тот во всеоружии. Карабин в руках, вперед смотрит внимательно. Молодой парень-то... приказали, вот и исполняет приказ по всей строгости.

Это, разумеется, плюс – но он же и минус, свою думалку фашист не включил. А то бы не только вперед смотрел, но и по сторонам башкою вертел. И сел бы правильнее, не так близко. Бойся он патронов вовремя не подать, оттого и устроился рядышком. По уму – левее надо было бы сесть, там обзор лучше.

Да и не справится тогда никакой супостат со всеми тремя зараз, пока одного душить станет, двое других вмешаться успеют. И наоборот.

Но – сел немец там, где сел.

И подписал этим себе приговор. Да и своим товарищам тоже.

Нет, застрелить их капитан мог спокойно и в том случае, если бы подносчик патронов устроился и в другом месте. Для пистолета лишние пять метров – роли не играют никакой.

Но раз уж вы, ребята, так в кучку сбились...

Штык на винтовке, как и положено, присутствовал.

И примкнуть его – особых проблем не составило. Другое дело, что выполнять эту операцию пришлось медленно и осторожно, чтобы лишний раз ничем не звякнуть и не брякнуть.

Так, есть штык.

Вперед внимательно посмотрим – под ноги. Где бежать, как наступать и на что.

Не хватало ещё мордой зарыться, за корягу какую-нибудь зацепившись. Встать уже точно не дадут.

Кобуру с наганом – расстегнуть, под рукою быть должна, сдвинем её.

Всё?

Да, вроде бы...

Говорят, что человек иногда способен чувствовать посторонний интерес к себе самому. Особенно, если этот интерес направлен против него.

Спорить с этим Алексей не собирался, и про такие вещи слышать ему приходилось. И потому на немцев он старался смотреть боковым зрением, не задерживаясь подолгу на конкретных деталях. Для решения вопроса оно и не слишком-то нужно, а вот настораживать противника раньше времени совсем ни к чему.

Тем более, что опытные солдаты обладают обостренной реакцией на всякие непонятки – вот это приходилось видеть неоднократно! Не дай Бог лишний раз чем-нибудь хрустнуть – фашисты моментально в боеготовность придут. Они и так, вроде бы, на позиции, но есть же разница – просто так чего-то там ожидать, или когда непосредственно тебе опасность грозить может?

Однако, как оказалось, правильно и адекватно реагировать могут не только люди опытные.

Стоило только капитану вскочить на ноги (даже и не вскочить, а плавно приподняться!), как неожиданно среагировал тот самый молодой немец.

Уж каким-таким боком почуял он неладное, неизвестно. Но, бросив карабин, он внезапно рванулся в сторону!

Самое нелогичное, казалось бы, действие – но жизнь свою он спас! Нацеленный ему в спину удар штыка прошел мимо. Правда, надо отдать должное, это солдату не слишком-то и помогло. Ракутин тоже не лаптем щи хлебал в свое время...

Как только кончик штыка клюнул пустоту, капитан, не растерявшись, крутанул в руках свое оружие, и окованный затыльник приклада заехал вскочившему немцу в правый бок.

Основательно так заехал, тот сразу же скорчился. Не до побегушек ему стало...

Повторно перевернув винтовку, Алексей уже неприцельно ткнул беглеца штыком – хоть так, главное, чтобы активного сопротивления оказать не смог! И развернулся в сторону остальных пулеметчиков.

А там...

Резко сбросивший дремотное состояние второй номер зашарил руками по животу, нащупывая своё оружие. «Поздновато ты врубился, милоч!» – злорадно успел подумать капитан, сокращая расстояние между собой и ним.

Не успел...

В смысле – немец не успел.

Приклад ощутимо въехал ему прямо по скуле – и фашист отключился.

А вот профессиональные навыки – они иногда плохую службу сослужить могут. Так и вышло с первым номером.

Привыкнув к своему оружию, он (совершенно автоматически) схватился именно за пулемет – за что же ещё?

И всё было бы правильно, атакуй Ракутин с фронта или с фланга – туда пулемёт разворачивался без проблем. Но вот в собственный тыл...

Для этого требовалось, как минимум, самому пулеметчику переместиться в соответствующее положение. То есть – встать и перебежать (перепрыгнуть, перекатиться...) в нужное место.

Только вот, в таких случаях, надо делать что-то одно.

Либо вскакивать, либо за оружие хвататься.

Немец (надо отдать ему должное) врубился достаточно быстро. Рукоятку пулемета отпустил и на ноги вскочить попытался. Но пару секунд он на этой заминке потерял... Вот, если

бы он сразу в сторону сиганул, на ноги вскочивши – шанс имелся. И немалый. Мог он тогда попробовать станкач развернуть.

Хотя – навряд ли.

Развернуть-то мало, надо ещё и затвор взвести – а это тоже пара секунд. Впрочем, если пулемет уже к стрельбе готов...

Тогда уже капитану стало бы кисло – перепилить его очередь немец мог запросто.

Но не успел фашист этого сделать.

Стрелять у него уже не получалось, но шанс (хоть и небольшой) спасти свою шкуру – он ещё имел.

По крайней мере – от укола штыком он увернулся. И дистанцию разорвал, не достать его уже по-тихому.

Рвани он сейчас в кусты и неизвестно, что в итоге получилось бы. Ведь мог и сбечь – поди, погоняй его по лесу. Поскольку стрелять капитан не хотел категорически, опасаясь участия в деле прочих солдат, до поры пока сидящих в неведении. А у страха глаза велики, и скорости ногам он прибавить вполне может. Да и заорать мог немец, привлекая к себе внимание остальных засадников. Тогда уж точно не до догонялок бы стало.

Но побежать в глухой лес, откуда только что выскочил человек, легко разделавшийся с его товарищами, фашист, надо думать, побоялся. Мало ли... а вдруг, там их ещё целая куча сидит?

Вот и рванул первый номер во все лопатки.

Куда?

Да, к своим же и побежал.

Там друзья, они помогут и прикроют.

Видать, не до конца он все же проснулся... чисто на рефлексах действовал.

И только сделав несколько шагов, спохватился пулеметчик – что-то не так...

Правильно.

Ибо эти самые шаги вынесли его из кустов. И стал он весь из себя открытый и хорошо видимый – не защищал и не скрывал его более лес.

А раз так – то и от огня вражеского прятаться негде. Не прикроют его спасительные веточки, не помешают противнику листики и травинки, фигуру беглеца скрывающие. Трава густая, это так, но ведь невысокая – до пояса не доходит. Бегущего человека не скроет. Вот ползущего – может и очень даже неплохо.

Неизвестно, что там успел подумать солдат.

Ибо, плюнув на скрытность, вскинул Алексей винтовку и вlepил беглецу пулю между лопаток.

Потому, как летел весь замысел к такой-то матери!

Немец, мало, что очумевший с испугу, так уже и за пистолет схватился, ещё пара секунд – и пальбу бы открыл. И все, сливай воду – остальных фашистов после такой побудки, врасплах не застанешь...

Да и после винтовочного выстрела – там, поди, самый заспанный соня уже глаза продрал.

Облом-с... как в старорежимные времена говаривали.

Дед Миша такие словечки частенько использовал. Ну, ему-то простительно, он ещё при царе службу начинал, до офицера выслужился. Вот и привык... среди дворян там всяких...

А теперь и командир Красной Армии такое сквозь зубы шепчет, совсем уже распустился!

Нырнув в траву, Ракутин быстро дополз до лежащего пулеметчика и, ухватив его за руку, потащил тело к кустам. Предусмотрительно не поднимая головы...

Дом-то – тот пониже пригорка будет, не рассмотреть оттуда ползущего по густой траве человека.

Это, если у немцев на чердаке наблюдателя нет.

А ведь запросто он может там сидеть!

Впрочем, сейчас всё это и поймём...

Накроют солдаты островок леса плотным огнем, все ясно станет – заметили они бегущего пулеметчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.